

Один еврей, другой убийца, а правда в том, что оба наши

РУТА ВАНАГАЙТЕ, ЭФРАИМ ЗУРОФФ

СВОИ

CoRpus

ПУТЕШЕСТВИЕ С ВРАГОМ

Памяти XX века

Рута Ванагайте

Свои. Путешествие с врагом

«Corpus (АСТ)»

2016

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

Ванагайте Р.

Свои. Путешествие с врагом / Р. Ванагайте — «Corpus (АСТ)»,
2016 — (Памяти XX века)

Книга литовской писательницы и журналистки Руты Ванагайте, написанная при участии Эфраима Зуроффа, вышла в 2016 году, в год 75 летия трагических событий 1941 года, когда в Литве были уничтожены практически все евреи. Всего в 1941–44 годах в Литве погибло около 200 тысяч евреев. В литовских лесах насчитывают 227 мест массовых убийств. В книге приведены документы того времени, показания людей, участвовавших в расстрелах. Ванагайте с известным охотником за нацистами Эфраимом Зуроффом отправляется в путь по местам, где убивали евреев, и общается с оставшимися в живых очевидцами тех событий.

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

Содержание

Светлана Алексиевич	6
Кристоф Дикман,	7
Часть первая	12
I. “Опять про евреев?”	12
Как все начиналось	12
Моя родня – жертвы или нет?	14
“Быть евреем” – игра с последствиями	16
Евреи – кто они такие?	17
Очная ставка с врагом	21
Несем ли мы ответственность за свою историю?	23
II. Свои. Дети, которые видели	26
Лаймонас Норейка	26
Юлюс Шмультис	27
Антанас Кмеляускас	27
Марцелиус Мартинайтис	28
III. Свои. Политики	30
Литовские активисты	31
Восстание	35
Временное правительство	36
Советники	41
IV. Свои. Расстрельщики евреев	46
Национальный трудовой охранный батальон	46
Зубной техник и Компания	47
Летучие убийцы	51
Особые мужчины	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Рута Ванагайте, Эфраим Зурофф

Свои. Путешествие с врагом

© 2017 Ruta Vanagaite and Efraim Zuroff

© А. Василькова, перевод на русский язык, 2018

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018

© ООО “Издательство АСТ”, 2018

Издательство CORPUS ®

* * *

Светлана Алексиевич

Все хотят быть жертвами, никто не хочет быть палачом

Перед нами книга, которая должна была быть написана в девяностые годы, когда мы были больше открыты правде, но она появилась только сейчас. И все равно вовремя. Страшная книга. Хотя сказать, что книга о Холокосте страшная, ничего не сказать, но тут приближаешься к невозможному для слова. В маленькой Литве 227 мест – ям, рвов, где расстреливали евреев, где-то есть знаки, где-то нет, а где-то уже земля перешла к частному собственнику. Расстреляли 200 тысяч евреев. Почти всех евреев страны! Об этом хотели бы забыть – и военное поколение, а теперь и их внуки: среди убийц литовцев было больше, чем немцев, немцев сотни, литовцев тысячи. Были там простые деревенские парни, но не только, учителя, пасторы тоже были, потому что убийце надо не просто дать автомат в руки, но и вбить несколько идей в голову. “Откуда у нас в простых деревенских домах хорошая мебель и дорогие вещи, откуда золотые коронки?” – спрашивала писательница. Везде следы преступления... Немногие свидетели, которых она нашла, рассказывали шепотом. “Почему вы говорите шепотом?” – “Убьют”. – “Кто убьет?” – “Литовцы”.

Руте Ванагайте тоже угрожают. Ненавидят многие: родные, знакомые, политики... Все хотят быть жертвами, никто не хочет быть палачом. Мифы нравятся людям больше правды.

Вы будете плакать над этой книгой – плачьте, но плакать мало, надо думать. Думать о том, как быстро расчеловечивается человек, человека в человеке немного, тонкий слой культуры легко смахнуть. Никто из нас, из тех, кто двадцать лет назад радостно кричал на площадях: “Свобода! Свобода!”, не мог представить себе, что на месте коммунистической тирании вырастет много разных тираний. Опять убивать станет работой. Оглянитесь вокруг – отбоя нет от тех, кто готов делать эту работу. И уже делает.

Я не знаю, как спасти человека. Рута Ванагайте отчаянно хочет его спасти...

Кристоф Дикман, Бернский университет Как относиться к преступлениям “своих”?

Мне, немецкому историку, изучающему массовое насилие в Европе в годы Второй мировой войны, приходится время от времени возвращаться к одним и тем же характерным переживаниям. Книга Руты Ванагайте о них напомнила. Если всмотреться в историю Катастрофы, везде – в целых странах, в больших и малых городах, в частных судьбах – мы увидим одно и то же: невероятную жестокость, чудовищное насилие, немыслимые зверства, страдания огромного множества людей. У всех, переживших Вторую мировую войну и Катастрофу на оккупированных территориях Восточной Европы (да и не только там), остались глубокие раны и шрамы. Сегодня мы точно знаем: все причастны, так или иначе вовлечены были все. Власть и выбор – ключевые понятия этого времени. Поэтому так важно взять на себя ответственность за историю своего народа, не ту, какой нам бы хотелось ее видеть, но за невымышленную историю, насколько мы можем ее знать. Часто память нас подводит; задача истории – исправить ее ошибки. Непредвзятый, открытый новому знанию взгляд на исторические события создает куда более надежную основу для собственной жизни и сосуществования друг с другом, чем законсервированные примитивные мифы, в которых мы восхищаемся славными героями, оплакиваем их самоотверженную гибель, скорбим о жертвах и осуждаем злодеев. Реальная история гораздо сложнее и противоречивей, поскольку в ней мы имеем дело с живыми людьми, а не с упрощенной мифологией. Однако это единственная история, какая у нас есть, и она никогда не бывает сплошь черной или белой. Само по себе обстоятельное исследование мифов не ведет к кровопролитию; только когда ложно воспринятый миф побуждает демонизировать непохожих, в результате люди начинают убивать друг друга.

Смысл книги Руты Ванагайте предельно четко обобщен в ее названии – “Свои”. Одна часть населения Литвы уничтожила другую часть. Несколько тысяч литовцев лично причастны к убийству около двухсот тысяч литовских евреев, которые жили на этой земле. Не “они” убили “их”, а “мы” убили “нас”. Да, такое открытие ошарашивает, поскольку посягает на наше представление о себе. Мы ставим себя под вопрос, выходим из “зоны комфорта”.

Многие немцы, родившиеся через несколько лет после окончания войны, росли с убеждением: “Мой дедушка не был нацистом”. Злодеями были другие, но не мы. У Руты Ванагайте – такой же опыт. Узнать о том, что твоя родня причастна к убийствам литовских евреев, – огромное потрясение! История иногда причиняет боль, память ранит до крови. Катастрофа уничтожила не абстрактное “население”, она происходила не где-то, а совсем рядом с нами. Около трех миллионов литваков были убиты неподалеку от их домов. Сейчас в Литве – более двухсот двадцати мемориальных кладбищ, массовых захоронений и отмеченных памятными знаками расстрельных ям и рвов, а всего в Восточной Европе как минимум пять тысяч мест, в которых уничтожали евреев. Города, деревни, местечки – пространство этих событий, жившие поблизости крестьяне, соседи – их действующие лица, и они испытывают вполне реальную, конкретную вину, стыд или гордость. Здесь история перестает быть прерогативой группы исследователей; она обращена ко всем, кто готов ее услышать, задавать ей вопросы, в постоянном размышлении и диалоге искать ответ.

Никто не обладает единоличным правом решать, кому подобает рассказывать. Конечно, потом мы можем спорить об источниках, точках зрения, интерпретациях, но каждую такую дискуссию надо рассматривать в более общем потоке других работ о литовском Холокосте – не только научных, но и публицистических, написанных как в Литве, так и за ее пределами.

В противном случае нам грозят “религиозные войны”, в которых разумные аргументы только подливают масла в огонь.

Немецкая история памяти пережила немало горячих споров. Воспоминания, исторические интерпретации никогда не бывают статичными, но постоянно развиваются как ответ на предшествующие утверждения. Задающие формы и определяющие выражение межличностных связей и конфликтов “тексты памяти” постоянно меняются под воздействием социальных, культурных и политических контекстов, в которых мы живем. Они динамичны, многочисленны и многоголосны, разнятся в каждом социуме и в каждой группе. Как и что мы хотим помнить, что хотим забыть, как воспринимаем собственное прошлое, определяется нашим нынешним выбором. Так происходит всегда, независимо от того, какую позицию выбираем и каких политических воззрений придерживаемся.

Катастрофа – страница европейской истории, хотя остальной мир к этой трагедии тоже причастен. Девяносто семь процентов жертв Холокоста не были “немецкими евреями”. Большинство из них уничтожены не в Германии, а на оккупированных или союзнических территориях. Совершенно очевидно, что любой националистический или этнический подход к пониманию происходившего сослужит, скорее, дурную службу. Осмысливать Холокост необходимо в общеевропейском контексте, поскольку упрощенные национально-этнические нарративы обнаружили свою несостоятельность. От исследователя требуется понимание разных языков и культур; представления о действующих лицах, причинах и следствиях предстоит переосмыслить в рамках открывшейся более сложной структуры отношений между оккупантами и оккупируемыми. Уже сейчас очевидно, что это не только история отношений между немцами и евреями, но в ней участвовали и другие народы. Объяснить ее одной-единственной причиной невозможно. Объемную картину того, что побудило разных людей уничтожать своих соседей, может дать только целостное изучение политической, социальной, культурной истории, тогда как любая узко-этническая трактовка трагедии приведет только к нелепому соперничеству, к соблазну меряться бедой. Кто больше всех страдал? Кого сильнее всех мучили? У кого больше палачей, а у кого – жертв? В ответ на эти бессмысленные вопросы, как правило, называют целый народ: “эти немцы”, “эти евреи”, “эти литовцы”, “эти русские”, “эти украинцы, румыны, венгры”. Но что дают такие споры? Эта циничная тяжба нужна разве что тем, кто делает ставку на политику национальной идентичности, поэтому не хочет иметь дело с настоящей историей, но всеми силами пытается превратить ее в “недра”, из которых можно добывать лишь то, что служит нынешним целям. Прошлое, таким образом, превращается в средство, ему не задают честных вопросов, не пытаются услышать правдивый ответ.

Политике идентичности нужны “зоны комфорта” и счастливые развязки. Открытые вопросы, уязвимость, пространные, неоднозначные ответы не укрепляют “национальную гордость”, а напротив, угрожают ей. Повсеместно, где принята такая политика, можно видеть, как за “своими” закрепляется роль жертвы, тогда как палач – всегда “другой”, и это оборачивается жесткой нетерпимостью. Всякий, кто выходит из “зоны комфорта” и ставит трудные вопросы, посягает на невинность “своих” и, по сути, воспринимается как предатель. “Предатель” всегда на кого-то работает. Следовательно, если Рута Ванагайте осмеливается спрашивать “о неприятном”, она, вероятней всего, служит российским, еврейским, польским, немецким, но только не литовским интересам. Это довольно простой способ перебросить на другого стыд и вину, а заодно возложить на него труд ответа на неудобные вопросы. Популярность такой позиции свидетельствует о том, что свободу исторического исследования по-прежнему нужно защищать.

Призыв к открытому, самокритичному размышлению об истории не означает, что каждое слово, каждую мысль в книге Руты Ванагайте надо принимать на веру. Думаю, она и сама с этим не согласится. Книга написана человеком, который не воспринимает историю с ограниченно-этнических позиций, а скорее, переживает ее как гражданин, который верен своей

стране, хочет, чтобы ее любили, и понимает, насколько полезно для общества непредвзятое отношение к собственной истории.

Взгляд на историю, который предлагается в этой книге, явно преодолевает ограничения традиционного национального подхода, поэтому очень важно, что появляются ее переводы. Нам дается возможность услышать тех, чей язык мы не понимаем, людей иной культуры, а это очень ценный и продуктивный опыт. Пусть эта книга найдет своих многочисленных читателей и побудит их обратиться к собственной истории главный вопрос, который задает Рута Ванагайте: как относиться к преступлениям “своих”?

Перевод с английского С. Панич

Исаак Анолик

Родился в 1903 году.

Убит в 1943 году в Каунасе, в их форте.

Один из самых талантливых еврейских спортсменов Литвы, велосипедист, в 1925 и 1926 годах – чемпион Литвы по гонкам на шоссе.

Представлял Литву на летних Олимпийских играх в Париже в 1924 году и на Олимпийских играх в Амстердаме в 1928 году.

Репортаж с Олимпиады 1924 года в Париже

Журнал “Спорт”

Сошел с дистанции из-за семи проколов и наш велосипедист И. Анолик. Выезжая со старта, он так сильно накачал шины, что знатоки дороги, французы и англичане, ему удивлялись. И в самом деле, в пути камешки очень быстро

проткнули ему шины, и, несмотря на отличное физическое здоровье и огромное желание, он не мог ехать дальше, потому что на дороге даже слышать не хотел о том, чтобы взять шины в займы или даже купить за деньги. Гонщики из других государств были всем обеспечены и на каждом контрольном пункте могли получить еду, шины и все необходимое, поскольку их сопровождали свои автомобили и оставляли все на этих пунктах.

Балис Норвайша

Родился в 1908 году.

Лейтенант, командир Особого отряда, в 1941–1943 годах руководил карательными операциями во многих местах Литвы.

В Панеряе Особый отряд уничтожил около 70 тысяч человек. В 1943 году Балис Норвайша перешел в батальон самообороны. Дальнейшая его судьба неизвестна. Предполагается, что Норвайша в 1944 году эмигрировал в США или Англию. По другим сведениям – погиб во время бомбардировок Дрездена.

Источники иллюстраций:

первая: фотография из собрания Михаила Душкеса

вторая: Центральный государственный архив Литвы

Мы, Александрас, или Витаутас, Божьей милостью Великий князь Литвы, [...] дали права и свободы всем евреям, живущим в нашем государстве [...]

если какой-нибудь еврей, принужденный к тому крайней необходимостью, стал бы в ночное время кричать, а христиане не

поспешил бы ему на помощь, так все соседи, и евреи тоже, должны заплатить по тридцать шиллингов [...].

***Из привилегий, дарованных Витаутасом Великим в 1388 году
Брастской еврейской общине¹***

¹ *Švenčionių kraštų žydai*. Pratybų sąsiuvinis. Švenčionys, 2004, p. 6.

Часть первая Путешествие во тьму

I. “Опять про евреев?”

Как все начиналось

Я – типичная обычная литовка. Всю жизнь жила, зная о Холокосте столько, сколько знает большинство из нас, типичных обычных. Может, побольше, чем Дайнюкас, чьими словами я начинаю эту главу, но ненамного. Я – типичный продукт лжи советской власти и молчания свободной Литвы. *Homo sovieticus lituanus*.

Когда-то, работая в газете, я узнала, какая новость для читателя самая неинтересная. Самый неинтересный заголовок выглядел бы так: “Небольшое землетрясение в Чили. Погибших немного”. Все признаки скучной новости: далеко, случилось с чужими, жертв немного.

Разве не так же обстоит дело и с гибелью евреев? Было давно, случилось с чужими, а жертв, может, и много, но что мы о них знаем? Шесть миллионов погибших в мире, двести тысяч в Литве – это всего лишь статистика, много нолей, а ноли ничего не говорят ни нашему сердцу, ни уму. Как там у Сталина сказано? “Смерть одного человека – трагедия, смерть миллионов – статистика”.

Пятнадцать лет назад – в то время я была директором фестиваля LIFE – в моей жизни произошло событие вроде бы и незначительное, но оно меня довольно сильно встряхнуло. От сталинской статистики и литовского равнодушия я сделала один шаг в сторону человечности. Всего один, никто потом его не поддержал, и тема Холокоста меня, как и других, больше не занимала.

В 1998 году я написала первый в своей жизни текст о евреях, его напечатал еженедельник *Ekstra žinios*.

Вот он.

Опасность инфекции в Литве сохраняется

“Может, съездим в Понары?” – спрашивает меня гость, французский художник Кристоф Бертонно (всемирно известный пиротехник, чье огненное шоу на открытии фестиваля LIFE собрало сто тысяч зрителей). Двенадцать километров от Вильнюса, место гибели евреев, сто тысяч погибших (по сведениям из путеводителя *Vilnius in your pocket*). Хорошо, отвечаю я, но так его туда и не везу. Дороги не знаю. На другой день уклоняюсь от прогулки по Вильнюсскому гетто. Не знаю, где проходят его границы. Еврейское кладбище в парке Калну? А разве у нас, литовцев, нет своих трагедий и мемориалов, почему он про них не спрашивает? А может – переглядываемся мы, небольшая группа, – он вовсе не француз, может, он и сам еврей?

Нет, он просто западный человек, умеющий читать.

Наше поколение воспитано в здоровом советском духе. О еврейской Катастрофе, о еврейской истории мы не знали ничего, зато знали много отличных анекдотов про евреев и умели их, затаившихся евреев, мгновенно распознавать. Наших детей мы воспитываем тоже в здоровом – то есть

литовском – духе. Трагедия литовского народа – величайшая трагедия, его страдания – вот что главное, потому что это – наше. Массовому истреблению евреев в 1941 году посвящена коротенькая глава в учебнике для пятого класса. И довольно с них – они ведь даже по-литовски не говорили.

У меня есть культурные знакомые – им известно больше. В их глазах разгорается священный огонь ненависти, стоит только произнести слово “еврей”. Знаменитые актеры Молодежного театра, вынужденные играть в спектакле с еврейскими мотивами, все же не смогли заставить себя пойти в музей Модильяни в Париже, потому что у входа узнали, что... Знаменитый литовский путешественник и защитник вымирающих народов во время разговора неожиданно разбушевался: а, эти, да они правят миром, да я их... И как же наши интеллигенты намучились в поисках свежих впечатлений – даже в кино не пойдешь, там Чаплин, Хоффман и Спилберг. На воротах Вильнюсского гетто было написано: “Осторожно: евреи. Опасность инфекции”.

Интересно, что в Литве за двадцать шесть лет независимости изменилось все, лишь в отношениях с евреями со времен статьи Томаса Венцловы “Евреи и литовцы”, написанной в 1978 году, не изменилось ничего. Только евреев не осталось – почти.

Во время крупнейшего в Европе истребления евреев были уничтожены девяносто пять процентов людей, до войны составлявших почти треть населения Вильнюса. Позже – огромная волна эмиграции. В Литве осталось три тысячи евреев. Кого будем обвинять, кого презирать через несколько десятилетий? Что, братья, дезинфицировать будем?

В Вильнюсе не жили ни мои предки, ни мои родители. Я здесь за несколько лет три раза переезжала – и все три квартиры покупала у евреев, которые отсюда бежали. Покупала дешево. Я воспользовалась их паникой и построила на ней свое благосостояние. И кто из нас жид?

“Литовское правительство – не антисемитское”, – сказал в одной телепередаче писатель Григорий Канович. Нет, оно и правда не антисемитское. И на юбилей Гаона² денег дали, и президент Бразаускас в Израиле покаянную речь произнес, а вице-мэр Вильнюса согласился дать разрешение перенести еврейские могилы с территории Дворца спорта в более спокойное место, если это будет сделано не на городские средства.

Политики должны вести себя разумно, то есть так, чтобы избиратели их еще раз избрали. Как бы мы ни выглядели при этом со стороны. А выглядим мы вот как: ни одного военного преступника, участвовавшего в истреблении евреев, в Литве еще не судили, и потому Центр Симона Визенталя предлагает бойкотировать юбилейные торжества в честь Гаона. Семьсот тускуленских жертв³ для Литвы значат больше, чем сто тысяч погибших в Панеряе, пишет *US News*.

² Элияху бен Шломо Залман (1720–1797), известен как Виленский Гаон – раввин, талмудист и общественный деятель, один из крупнейших духовных авторитетов ортодоксального еврейства. Слово “гаон” в переводе с иврита означает “гений”. (Прим. пер.)

³ В Тускуленском парке в 1944–1947 годах тайно хоронили заключенных. Большинство из них были осуждены по 58-й статье – “предательство родины”. Перед казнью их жестоко пытали, смертные приговоры приводила в исполнение специальная группа, составленная из сотрудников НКГБ – МГБ. Во время археологических раскопок в 1994–1996 гг. и в 2003 году были найдены останки 724 человек (Прим. пер.)

В Вашингтоне была устроена выставка “Тайная история Каунасского гетто” – двести фотографий Джорджа Кадиша, он снимал через дырочку в пуговице пальто фотоаппаратом собственного изготовления. Кто заплатит за то, чтобы привезти эту выставку в Литву? Кто подтолкнет образовательный проект, посвященный Холокосту, издать тиражом в 15 тысяч экземпляров “Дневник Анны Франк” и учебники еврейской истории, предназначенные для литовских школ? Кому нужны три тысячи слабеющих голосов?

А если посмотреть на это, не думая ни про избирателей, ни даже про общечеловеческие ценности, только с прагматической точки зрения: какая была бы польза для государства, если бы мы сделали больше, чем обязаны и чем от нас ждут, и, может, по-другому, чем желает большинство избирателей... Если бы перенесли останки евреев на городские средства. Ведь они правят миром, разве не так? И тысячи этих правящих родом из Литвы. Даже в ЮАР восемьдесят пять процентов евреев – литваки. Нет, ответит мне истинный литовец, образ Литвы мы будем создавать репродукциями Чюрлениса и удачными бросками баскетболистов. И подумает про себя: а может, и ты сама, так сказать, если уж поднимаешь этот вопрос?

Да. Мой прадед по материнской линии был рижский сапожник Серадзинский. (К сожалению, как я потом выяснила в архивах, он – поляк).

Моя родня – жертвы или нет?

Должна разочаровать подозрительных читателей – я обыкновенная литовка, у меня нет еврейской крови. И я не просто литовка, а улучшенная литовка, потому что отец моего отца Йонаса Ванагаса, старый Йонас Ванагас, – политзаключенный, осужденный за антисоветскую деятельность и полгода спустя насмерть замерзший в Карлаге. Вся его семья – ссыльные, отбывавшие ссылку в Красноярском крае. Я всегда гордилась дедом, который в Каварскасе спилил дерево, чтобы преградить путь отступающей Красной армии. И сорвал портрет Сталина со школьной стены. Соседи-литовцы, конечно, на него донесли, и он был арестован.

В Литовском особом архиве я прочитала секретное дело своего деда на 96 страницах, его показания и показания соседа, арестованного Советами вместе с ним, протоколы допросов и очных ставок. Подвиг Йонаса Ванагаса несколько померк в моих глазах, когда я нашла в деле сведения о том, что в годы немецкой оккупации он входил в комиссию, которая составляла списки евреев. Он в убийствах евреев не участвовал, на их добро не зарился, поскольку был достаточно богат. Свидетели на допросах говорили, что все десять евреев из Каварскаса, включенные в список, были в августе 1941 года отправлены в Укмерге. Сосед Балис, которого арестовали и допрашивали вместе с моим дедом, конвоировал этих евреев к месту казни, а в награду за это получил еврейский дом и 4,5 гектара земли. Так записано в деле. Мой дед получил от немцев двух советских военнопленных – работать на его участке. Вот такая небольшая полуживая награда.

Я не просто литовка, я – литовка, пострадавшая при советской власти. В глухие годы зрелого социализма нам, четверем двоюродным сестрам, молодым барышням, хотелось наряжаться и слушать битлов, а у нас не было ни джинсов, ни пластинок. Но у нас в Америке была тетя, папина сестра, а у нее – несказанно добрый муж Антанас. Мы отправляли им письма, перечисляя в них все, чего нам хотелось. Тетя была очень занята, она работала зубным врачом, а ее муж все советские годы ящиками присылал нам джинсы, пластинки и даже пломбы для зубов. И писал нам чудесные теплые письма. Подписывался почему-то не “Антанас”, а “Анто-селе”. Родители нам сказали, что Советы ищут дядю Антанаса, и потому ему лучше своего имени и фамилии нигде не упоминать (ведь письма из-за границы читала советская госбезо-

пасность). Моя тетя была счастлива, ее муж был прекрасным и честным человеком, истинным офицером, полковником армии независимой Литвы, потом, при немцах, начальником полиции в Паневежисе.

Вот оно что. Теперь, когда все присланные Антоселе джинсы давно сносились, когда нет уже ни его, ни тети, ни советской власти, теперь, когда пишу эту книгу, я уже знаю, чем занималась в годы немецкой оккупации литовская полиция в Паневежисе и других городах и почему советская власть так старательно его искала. Не нашла. Антоселе умер во Флориде, на берегу океана, в красивом доме, окруженном садом, где растет огромное манговое дерево. В одном из литовских городков ему поставлен памятник. К сожалению, его имя упоминается и в составленном евреями знаменитом списке пяти тысяч литовских палачей.

Так кто я такая, Рута Ванагайте? Славный потомок славных литовских героев или представитель народа презренных убийц, истреблявших евреев, и моя родня запятнала себя преступлениями перед человечеством?

Но ведь у меня была и мама. Она родилась и выросла в Паневежисе, в большом красивом доме с квартирантами, где ее воспитывала не только строгая мама, но и снимавшая у них комнату тетя Циля, которая преподавала немецкий язык в женской гимназии. Циля была немецкой еврейкой. Она бежала в Литву от нацистов? Скорее всего, да. Маме было четырнадцать лет, когда началась война, в Литву вошли немцы, и Танте, как любовно звала ее мама, спешно бежала из Литвы. Куда? Никогда, никогда, как ни разыскивала ее мама по прежним адресам, так и не удалось найти ее следов. В какую яму вас бросили, Танте Циля, в какую печь?

Моя мама потеряла не только тетю Цилю. В Паневежисе, на улице Антанаса Сметоны, и сейчас стоит дом под номером 47, мамин дом. А рядом, в соседнем доме, жила интеллигентная еврейская семья с единственным ребенком. Ицик был на год младше мамы. Все детство они играли вдвоем в мамином саду. Потом настал 1941 год, началась немецкая оккупация, и однажды соседская семья исчезла. В тот день люди видели, как из гетто гнали евреев, в тот день в лесу вблизи Паневежиса были расстреляны восемь тысяч евреев. Детей укладывали и расстреливали (или расстреливали и укладывали?) в отдельной яме. Там, совсем неглубоко, среди останков 1700 детей из Паневежиса, лежат и косточки Ицика.

Так кто же я? Может, тоже в каком-то смысле жертва, если моя мама во время Холокоста потеряла двух близких людей?

Я просто литовка, чьи деды и родители пережили и советскую, и нацистскую оккупацию. И я принимаю все трагедии своего народа, не разделяя их на свои и чужие, большие и меньшие. Принимаю вину и утраты своей родни, не обвиняя и не приукрашивая того, что было. Хочу понять, что произошло, почему это произошло и с ними, и со всем моим народом. С моими литовцами и моими евреями в моей Литве. Хочу, чтобы это поняли, знали и помнили мои дети.

Мои милые соотечественники, если никто из ваших родных ни в чем таком не участвовал и даже не знал никаких евреев, подумайте вот о какой статистике: за время войны было уничтожено больше двухсот тысяч литовских евреев. Это пятьдесят тысяч домов, а еще – магазины, синагоги, школы и библиотеки, аптеки и больницы... Немцы забирали еврейское золото, выдирали зубы. А сколько по всей Литве в домах убитых евреев осталось другого добра: шкафов, кроватей, часов, простыней и подушек, ботинок и блузок, – все это, разумеется, не ваши деды хватали и везли возами, когда вещи выбрасывали в окна или по дешевке продавали на площадях местечек. Конечно, не ваши деды, а деды других литовцев, похуже. Но, может, вы, хорошие литовцы, знаете, где теперь эти антикварные кровати убитых? Кто на них спит? Какие видит сны?

“Быть евреем” – игра с последствиями

Ввозрасте пятидесяти семи лет и я впервые в жизни заработала деньги на Холокосте. Заработала немного – минимальную зарплату, 450 евро в месяц, за полгода. А сделала много. Проект “Панеряйская колыбельная” получил финансирование от Европейской комиссии, и это позволило нам провести в Вильнюсе десять удивительнейших мероприятий. Идея проста: собрать группу из сорока человек и дать им на один день почувствовать себя евреями: в синагоге узнать, что такое иудаизм (ведь мало кто из жителей Вильнюса побывал в синагоге), пройти по гетто, провести какое-то время в тайных убежищах, послушать еврейскую музыку, выучить еврейскую песню и танец, поесть то, что едят евреи. И только потом, когда пройдет добрых полдня, когда они всё это прочувствуют, повеселятся, наедятся и напляшутся, сесть в автобусы и отправиться туда, где евреи погибли. В Панеряй. И это еще не все: по дороге в Панеряй мы выучили песню, “Панеряйскую колыбельную”, сочиненную Тамиллом, одиннадцатилетним мальчиком из гетто. Тамилл участвовал в песенном конкурсе, устроенном в гетто в 1942 году, и стал победителем.

В 2012 году я впервые читала, говорила и пела на идише вместе с четырьмя десятками других таких же людей.

Тихо-тихо

Тихо, тихо – здесь повсюду мертвые лежат.
Где тиран зарыл их в землю, вырос целый сад.
В Панеряй ведут все тропки, ни одной – домой.
Наш отец погиб, и счастье он унес с собой.
Тихо, тихо, мой любимый, горьких слез не лей.
Дела нет жестоким людям до беды твоей.
Нет конца у океана, есть конец у тьмы и плена,
Но вдали не видно огней.⁴

В Панеряйском лесу, куда многие из нас пришли впервые, нам рассказали о том, как убивали людей. Мы стояли с розами и камнями и слушали. Потом пели. А после этого молча положили розы на снег, аккуратно укрывший яму – одну из шести, самую большую. На снегу – следы, видно, только что над тысячами раздробленных черепов проскакал панеряйский заяц.

И это еще не все. Обратный путь до Вильнюса стал смелым экспериментом. Должны ли мы были возвращаться в Вильнюс молча после того, что видели и испытали в Панеряе, или, напротив – вдохновленными, объединенными? На обратном пути, после очной ставки с Холокостом, мы в автобусе откупорили кошерное вино, полученное из Израиля, разделили между собой домашние *имберлах*, и Михаил, музыкант из еврейского ансамбля, сыграл нам “Тумбалалайку”. Какое это было невероятное ощущение – ранним воскресным вечером ехать через Северный Иерусалим, пустой город без евреев и без литовцев, и орать во все горло: “Тумбала, тумбала, тумбалалайка!” или “Лехаим!” – “За жизнь!” Драть глотку вместе с четырьмя десятками других глоток. Сорок литовцев, которые еще утром не знали о евреях практически ничего, а теперь, к вечеру, взволнованы, вдохновлены, печальны и бесконечно счастливы...

Добравшись до Вильнюса, участники этой поездки долго не могли расстаться, терзали вопросами нашего гида Симона, просили, чтобы в следующее воскресенье разрешили прийти

⁴ Перевод В. Лавкиной.

чьему-то брату, чьей-то маме, тете, подруге... А потом пересказывали домашним то, что услышали про евреев, рассказывали об увиденном. И не у одного из них домашние подозрительно крутили головами: ну, околдовали они тебя, говоришь, как сектант какой. Видишь, как надо их остерегаться... Им только мизинчик протяни – всего утащат...

Прошел год. Проект “Быть евреем” перебрался в Каунас и другие европейские города, где, к сожалению, все сделали казенно, “осваивая европейские средства”. Однако Каунас – Каунас стал для меня потрясением. Стал потрясением час, проведенный в Слободке, нынешнем Вилиямполе.

Вот вам картинка из бывшего гетто, одного из самых больших в Литве – там жили десятки тысяч каунасских евреев, и во время нескольких “акций” (одна из них – детская) все были убиты.

Тридцать каунасских учителей, окружив еврея Симона, стоят посреди бывшего гетто. Дома, погребца, дровяные сараи, где во время войны теснились тысячи евреев, согнанных туда нацистами, дворы, где играли их дети, – а потом всех их вывели на площадь или увели в какой-нибудь из фортвов Каунаса и расстреляли. Дома и погребца перестроены, обновлены, там живут каунасцы, которые не знают, где живут и что там делалось до них. Откуда им знать – ничего ведь не написано, ничего не сохранилось, только камень у въезда. Перестроен и этот дом – бывший магазин, в окне которого была выставлена отрубленная голова раввина. Раввину отрубили голову, когда он молился, и положили ее на Талмуд.

Рядом с нами останавливается “ауди”. Открыв окно, бритоголовый водитель орет: “Ну что, жида? Куда лезете? Чего ищете?” Получив вежливый ответ – почти извинение за то, что мы здесь, – от нашего гида, он катит по улочке гетто дальше, но несколько минут спустя разворачивается и на полной скорости мчится в нашу сторону. Визжат тормоза, машина останавливается, едва не врезавшись в нашу группу. Вижу, дело оборачивается плохо, иду к машине и пытаюсь смягчить положение. На сиденье – недопитая бутылка пива. Говорю водителю: “Не сердитесь, понимаете, мы не евреи, это экскурсия, ведь здесь было гетто, вы не знали?” Вижу – для него это новость, он не знает, что такое гетто. “Может, вам не стоит вести машину, – говорю я бритоголовому, – вы же выпивши, попадете в полицию”. – “Я сам полицейский”, – резко отвечает он и наконец уезжает, не сделав нам ничего плохого.

А самой, наверное, удивительной частью проекта “Быть евреем” стала лекция Симона об иудаизме в Вильнюсской хоральной синагоге, где почти все участники этого проекта оказались впервые в жизни.

Скорее всего, многие читатели тоже в синагоге не бывали и мало что знают о евреях и об иудаизме, не слышали остроумного и печального, мудрого и ироничного рассказа Симона, настоящего литвака. Мы с ним вдвоем этот рассказ воспроизвели.

Евреи – кто они такие?

Симон: По еврейскому календарю сейчас 5776 год.

Почему? Наш календарь указывает на определенные ценности. Мы отсчитываем время не от рождения Иисуса, как христиане, а от первого человека, Адама. Мы – народ Книги, и потому, внимательно читая Книгу, Тору, то есть Ветхий Завет, узнали, в каком году родился Адам. У нас все очень просто. Отсчитывая годы от появления первого человека, а не первого еврея – пророка Авраама, мы словно бы показываем тем самым, что самое главное – человек, а уж потом его религия и прочее.

Для христиан день Господень – воскресенье, день воскресения Иисуса. Для нас седьмой день – суббота, это старый вариант, он есть в Ветхом Завете. Нового Завета мы не читаем.

Почему вы, евреи, не признаете Иисуса?

Нельзя сказать, что евреи не приняли Иисуса. Его ученики были евреями, они приняли Иисуса, назвали себя христианами и обособились. Но мы читаем Тору, а там написано, что Мессия – тот, кто войдет в Иерусалим, а за ним будут идти живые и умершие. За Иисусом шли живые, его ученики, но умершие не шли... А самая главная причина, по которой мы не признаем Иисуса, это его слова: “Веруйте в меня, я – сын Божий”. Евреи верят в Бога, а не в кого-то другого. Если бы Иисус сказал: “Веруйте в Бога, ибо я сын Божий”, – мы бы это, наверное, поняли. И еще из-за рождения Иисуса. В древнем арамейском языке слова “невинный” и “молодой” пишутся одинаково. Мы можем истолковать предложение двояко: “молодая женщина Мария родила младенца” и “невинная женщина Мария родила младенца”. Вторая интерпретация, которую приняли христиане, кажется нам странной...

Что такое шабат?

Наш шабат начинается в пятницу вечером, после захода солнца, и заканчивается после захода солнца в субботу вечером. Это еще раз показывает, что означает быть народом Книги. Надо внимательно читать первую страницу Торы, там написано, когда был первый день при сотворении мира: “И был вечер, и было утро”, и про второй день – “и был вечер, и было утро”. Что это означает? Означает, что и в нашем календаре каждый день начинается с вечера и заканчивается следующим вечером.

К праздничному ужину все в семье одеваются в самые лучшие наряды, готовят самые вкусные блюда, ставят на стол вино, женщины зажигают свечи. Во время шабата мы не пользуемся никакими приборами, обходимся без телефонов, телевизоров и компьютеров, не водим автомобили, не готовим еду. Просто существуем, отдыхаем: разговариваем, молимся, гуляем, играем с детьми, читаем, едим, радуемся. И так всю жизнь, 24 часа каждую неделю. Чем более зависимым делается человечество от технологий, тем больше смысла в еврейском шабате...

Получается, ваш шабат – вроде нашего Рождества, только не раз в год, а каждую неделю... Так вы – избранный народ?

Многие люди думают, что евреи, называя себя избранным народом, словно бы важничают. Слово “избранный” на иврите означает “избранный сделать больше”. Это не привилегия, а долг, обязанность. Своим детям мы передаем ценности через предназначенные для этого истории. Одна история такая: когда Бог выбирал, какой народ станет его избранным народом, евреям не первым было предложено принять Тору. Люди спрашивали: а что нам будет с того, что мы примем Тору, поскольку Тора – это сборник обязанностей. Увидев, как много обязанностей записано в Торе, все отказывались. А евреи Тору приняли – поняли ее смысл. Так что евреи избраны выполнять обязанность – совершенствовать мир (*Тикун Олам*).

Тора – это универсальный сборник советов. В ней в 613 местах написано, что делать и чего не делать. Бог говорил Моисею, Бог говорил Аврааму – а мы внимательно читаем. Христиане скажут, что Божьих заповедей десять, а для нас их 613.

Почему Тора – не книга, а свиток?

Евреи вышли из Египта и скитались в пустыне в поисках отечества, а вместе с ними кочевали животные. В то время книг еще не было, и Тора написана на коже, как это делалось в те времена. Тору переписывали от руки, и если тот, кто переписывал Тору, делал одну ошибку, переписывался огромный свиток. Во время молитвы в синагоге один человек читает Тору, а двое стоят рядом и следят, чтобы он читал правильно.

Как вы искупаете свои грехи?

Иудаизм – не религия, а скорее, выполнение того, что написано. Это в первую очередь образ жизни. Классическим примером здесь могло бы быть понимание греха. Если спросишь христианина, как искупить грех, он ответит, что надо пойти к священнику на исповедь, может, пожертвовать на церковь, может, прочесть сколько-то раз “Аве, Мария” и получить отпущение грехов. В иудаизме все по-другому, никто тебе не дает никакого отпущения грехов. Раввин – не посредник между Богом и человеком. Он, скорее, учитель. Если я согрешил – сам должен понять, что поступил плохо, и тогда пойти, попросить прощения, загладить обиду, возместить моральный ущерб, а четвертая вещь, которую я должен сделать, – пообещать, что это больше никогда не повторится, больше я такого греха не совершу.

Почему евреи раскачиваются, когда молятся?

В Книге сказано, что во время молитвы человек должен быть предельно сосредоточен и молиться всем телом. Евреи не становятся на колени. Для того чтобы молиться в синагоге, необходим кворум – десять мужчин, это называется миньян. Мы молимся вместе, чувствуя один другого. Мы даже учимся не поодиночке, а хотя бы вдвоем. Еще одна важная вещь, касающаяся еврейского обучения: мы учимся не только читая ответы, но и задавая вопросы сами.

А правда ли, что евреи учатся не так, как наши дети, а по-другому, то есть не стараясь запоминать, а постоянно споря и задавая вопросы?

Действительно, есть большая разница между тем, как христианство учит смотреть на авторитеты, и тем, чему учит иудаизм. Обратите внимание на то, что все наши пророки спорили с Богом. Мы спорим не потому, что нам это нравится, а потому, что в споре рождается истина. Евреи составляют всего три процента человечества, а среди лауреатов Нобелевской премии больше двадцати процентов – евреи. Одного нобелевского лауреата, между прочим, выходца из Литвы, спросили, почему он такой умный. Это заслуга моей мамы, ответил он. Когда я возвращался из школы, моя мама спрашивала совсем про другое, чем мамы других детей. Она не спрашивала, как мои успехи, какую отметку я получил, она спрашивала: ты задал хоть один хороший вопрос? Хотя всем известно, что два плюс два – четыре, мы можем подумать, что есть два котенка и два мышонка, и тогда у нас появится вопрос: в самом ли деле два и два – четыре. Эйнштейн говорил: если нормальному человеку велишь искать иголку в стоге сена, он искать не станет, потому что прекрасно знает поговорку. Однако удача сопровождает тех людей, которые ищут иголку в стоге сена. И находят. По словам Эйнштейна, если я нахожу одну иголку, то знаю, что будут еще иголки. И продолжаю искать. Нахожу и вторую, и третью. Тем я и отличаюсь от большинства людей. Иудаизм учит неустанно искать истину.

Расскажите, откуда взялась эта традиция – делать мальчикам обрезание.

Она взялась из той же самой Книги. У Авраама, первого еврея, и его жены Сарры долго не было детей. Бог сказал ему: ребенок может родиться только в союзе с Богом. Эта часть мужского тела отвечает за рождение ребенка, и потому ребенок должен быть зачат в союзе с Богом. Каждого еврейского мальчика обрезают на восьмой день его жизни. Теперь все понимают, что это делается и из гигиенических соображений.

Какую еду вы считаете кошерной?

Одна из 613 заповедей, которые мы находим в Торе, звучит так: “Не вари козленка в молоке матери его”. Скажем, караимы, у которых нет Талмуда, когда толкуют Тору, это высказывание понимают буквально, а для евреев запрет варить козленка в молоке матери означает, что нельзя смешивать мясные продукты с молочными. Другой вопрос – какое мясо нам есть запрещено. Мы можем есть мясо парнокопытных жвачных животных. Говорят, что евреи не едят свинину, потому что свинья – грязное животное. Свинья несколько не грязнее других

животных. Однако современная наука доказывает, что свинина для человека – нездоровая пища. Для того чтобы мясо было кошерным, животное должно быть заколото или зарезано таким способом, чтобы причинить ему как можно меньше боли. Это делает особый человек, ритуальный резник. То, что мы прочли в Торе, теперь, через столько лет, подтверждает наука – если животное мучается, в его мясо попадают токсины. В Торе есть много непонятного для нас, но теперь наука доказала, что это хорошо.

А миф про мацу? Якобы вы добавляете в нее кровь христианских младенцев.

Этот миф был распространен еще в Средневековье, во времена инквизиции и охоты на ведьм. В нашей еде вообще не может быть крови. Маца – это лепешки религиозного предназначения, мы едим их все восемь дней праздника Песах. Когда евреи бежали из Египта, они не успели положить в тесто для хлеба закваску, и получились лепешки – из муки с водой, испеченные на солнце. Во время праздника Песах все – и богач, и бедняк, – вспоминая своих предков, вышедших из Египта, не едят ничего мучного, только мацу.

Почему евреи носят шапочку – кипу?

Есть детское объяснение, и есть серьезные. Мама говорила мне, что кипу мы надеваем для того, чтобы Богу сверху было видно, кто из людей – евреи. В раннем христианстве все священники покрывали голову, а теперь головные уборы носят только высшие иерархи христианской церкви. А евреи – все их носят. Покрывать голову для нас – знак уважения, в отличие от христианского мира, где из уважения или в святых местах мужчины снимают шапки.

Как вы провожаете своих умерших?

Умершего человека хоронят в тот же, самое позднее – на следующий день. Его не одевают в костюм или красивое платье. Тело заворачивают в обычную простыню. Кем бы ни был человек в этом мире, в другой мир мы все отправляемся одинаковыми. После похорон – семидневный траур, семья скорбит дома, а друзья и близкие приходят их навестить. В современном мире семья готовит поминальный обед, а в иудаизме все наоборот – друзья и близкие во время траура приносят еду семье умершего. Через тридцать дней принято ставить памятный камень, памятник. На кладбища мы приносим не цветы, а камень, как символ вечности и вместе с тем – печали. Это словно частичка разрушенного Иерусалимского храма, нас печалит напоминание о том, что он был уничтожен. Мы верим, что, когда придет Мессия, Святилище будет заново отстроено, и тогда вместе с живыми туда войдут и воскресшие умершие.

Как иудеи представляют себе Бога? Это старик на небесах или это сила – кто или что это?

Войдя в синагогу, не ищите никаких изображений – ни Бога, ни каких-нибудь святых. Бог – всеобъемлющий, Сущий. Мы не думаем о нем, как о чем-то материальном. Я бы предложил вот какое сравнение: мы – словно муравьишки, суесящиеся на земле и вдруг увидевшие пролетающий над ними огромный боинг. Наше постижение Бога в точности на таком же уровне: что могут понять муравьишки, глядя на пролетающий боинг? Они видели пролетающих птиц, так что некоторые муравьишки могут сказать: это летит очень большая птица. Другие скажут, что это будто гром, третьи – что много лампочек, а еще кто-то вообще не поймет, что это было. Это примитивное, но верное сравнение. Мы должны делать то, что нам по силам, но вместе с тем понимать, насколько ограничено наше понимание.

В конце разговора Симон рассказал две коротких истории.

Мотылек

Дети вздумали посмеяться над раввином, который будто бы знает все. Один из них спрятал в кулаке мотылька. Они решили спросить раввина, жив ли мотылек или нет. Если раввин скажет, что жив, ребенок сожмет кулак, и мотылька не будет. А если скажет, что нет, – раскроет ладонь, и мотылек улетит. Раввину никак не угадать.

Они подошли к раввину и спросили, жив ли мотылек в руке или нет, а раввин ответил: “Не знаю, жив он или нет. Знаю одно: все в ваших руках”.

Два зверя

В каждом из нас живут два зверя: один злой, другой добрый. Злой – это ненависть, ложь, зависть, жестокость. Добрый – это все хорошие качества: щедрость, благородство, любовь. Юноша спросил у человека постарше, какой из этих зверей побеждает, и тот ответил: “Я не знаю, который из зверей побеждает в каждом человеке. Знаю одно: побеждает тот зверь, которого ты кормишь”.

Какого зверя кормили в себе наши в 1941 году? Те, что составляли списки евреев, конвоировали их, сторожили... И те, что стреляли. Или они сами превратились в зверей?

Очная ставка с врагом

После завершения проекта “Быть евреем” должна была состояться посвященная Холокосту просветительская конференция.

Ненавижу слово “конференция”. И слово “проект”. И слово “просветительский”. Я еще не организовала ни одной конференции, а сбежала с многих. Что меня ждет? Надо делать приглашения, собирать участников, готовить материалы для раздачи, обеспечивать перевод докладов, потом выступают скучные типы, публика зевает, а мне еще и роль модератора достается... Бррр... Ну, может, еврейский обед с музыкой в перерыве сделает унылое мероприятие чуть повеселее? Может, надо бы и кошерным вином запастись?

Кого пригласить выступать? Придется довериться знатокам – я то и дело пью кофе с разнообразными специалистами по Холокосту... Они предлагают кроме литовских историков пригласить на конференцию двух заморских литовцев – Саулюса Сужеделиса (первый раз о таком слышу) и Томаса Венцлову (ого! только согласится ли он?) – и еще кого-нибудь из нового еврейского музея в Варшаве. А вот кого – боже сохрани! – не приглашать, так это очернителя Литвы Довида Каца и охотника за нацистами Эфраима Зуроффа. Если уж я непременно хочу пригласить кого-нибудь “спорного” – так только не Зуроффа. Он недавно в Иерусалиме заставил расплакаться прибывшую из Литвы учительскую делегацию – обозвал теток убийцами евреев. Хм... Нехорошо. А если будут те двое или кто-то один из них – не дойдет ли до драки? Нет, говорят, не должно. Может, договоришься с Зуроффом, чтобы не доводил всех до слез, он ведь разумный человек. Но если будут Кац и Зурофф – представители академического сообщества в твоей конференции точно участвовать не станут, потому что эти двое оба работают на Путина, он их финансирует.

Ну, думаю, это уж совсем никуда не годится. Не хочу я в Литве агентов Путина, если их приглашу, скажут, что я и сама такая. Только переспрашиваю для верности: а откуда консуль-

танты знают про путинские деньги, которые получают эти двое бессовестных? Одному об этом сказал кто-то из американского посольства. Другой тоже нисколько не сомневается, потому что среди друзей Зуроффа в Фейсбуке нашел сторонников Путина...

Мне уже становится весело... Вернувшись домой, нахожу литовскую информацию про этих врагов Литвы. Да, они из года в год чернят нас во всем мире, не иначе как Путиным подкуплены... Они всё велят нам привлечь к ответственности палачей, а еще указывают, чтобы мы не допускали шествий ультраправых ни в центре Каунаса, ни в центре Вильнюса. Зурофф, видимо, особенно воинственный: пишут, что он своими грязными руками роется в наших архивах. Загляну тогда уж и в нелитовские источники: оказывается, этого самого чудовищного Зуроффа приглашают читать лекции по всему миру, он написал три книги, и их перевели на восемнадцать языков. За усилия, приложенные им для поимки нацистов в Сербии, был выдвинут на Нобелевскую премию. Не получил – в тот раз ее присудили Бараку Обаме.

Итак, в тот же вечер я пишу электронные письма обоим очернителям Литвы. Все интереснее будет – и вина покупать не придется. Да и какая конференция без евреев? На следующий день получаю ответы – и тот, и другой спрашивают, на каких условиях их приглашают на конференцию. Условия те же, что для всех докладчиков: оплата перелетов и гостиницы, и предлагаем гонорар в пятьсот евро.

Только потом я узнала, что для обоих очернителей это был шок – еще никто в независимой Литве не приглашал их ни на какие более или менее официальные мероприятия, да еще в Вильнюсском самоуправлении, да еще чтобы все было оплачено, да еще чтобы приличный гонорар заплатили. Эх, слишком поздно узнала, все равно пригласила бы, но гонорара бы не предлагала. Эфраим Зурофф сообщил, что скоро приедет в Литву, будет наблюдать за шествием неонацистов 11 марта, и тогда мы можем ненадолго встретиться. Я подумала, что, может, в общественном месте он меня не побьет, но, скорее всего, традиционно и меня прибьет к кресту как литовку за все прегрешения Литвы. Выдержу, не разревусь, как те учительницы.

Войдя в кафе, я увидела это страшилище и сразу поняла, почему его так боятся, и не только в Литве. Мы привыкли к тому, что евреи невысокие, часто тщедушные или толстенькие (да сколько мы тех евреев видели?), а тут передо мной – великан, заполняющий собой все пространство. (Позже я прочла в одной южноафриканской газете, что Зурофф похож на мамонта.) Хочется сесть как можно дальше от него. Мы устраиваемся за самым большим столом. Синие глаза сверлят меня взглядом, с нескрываемым недоверием изучают представительницу народа-убийцы. Первый же вопрос Зурофф задает прямо в лоб: “Почему вы взялись за этот проект? Из-за денег, который заплатит Евросоюз?” – “Нет, – так же напрямик режу я, – взялась, потому что среди моей родни обнаружили люди, которые, скорее всего, участвовали в Холокосте. Я чувствую, что, вспомнив об этом и почтив память убитых евреев, хоть немного искуплю их возможную вину”. И рассказываю про тетиного мужа и про своего деда.

“Вы, пожалуй, первый человек в Литве, от которого слышу признание вины его родственников, – говорит Зурофф. – За двадцать пять лет своей деятельности в Литве не встретил ни одного, кто бы так сказал. Литва – самая тяжелая, самая неблагодарная страна, здесь правду особенно тщательно скрывают”. Теперь моя очередь нанести удар: “Скажите, а правда, что вы работаете на Путина? Ведь Путину выгодно, чтобы литовцев во всем мире считали нацистами. Вы это и утверждаете. Сколько Путин вам платит?”

Зурофф не удивляется. Долго рассказывает о своей антисоветской деятельности, о своих отношениях с путинскими русскими, которые пытались его использовать в своих целях. И вот, после нападок с обеих сторон, мы наконец начинаем разговаривать как нормальные люди. Зурофф говорит, что очень хотел бы участвовать в конференции, но, к сожалению, в это время должен читать цикл лекций в США. Называет мне еще несколько имен. А о чем, любопытствую я, вы говорили бы, если бы выступали на конференции?

“О том, как нелегко Литве и всей Восточной Европе открыто говорить о Холокосте. По двум причинам. Одна – только в Восточной Европе сотрудничество с нацистами означает активное участие местных жителей в убийствах евреев. В Западной Европе евреев изолировали, но не убивали. Западноевропейских евреев возили убивать в Восточную Европу – в первую очередь в польские концентрационные лагеря, но и в Литву тоже. Другая причина – после Второй мировой войны страны Восточной Европы либо были оккупированы, либо оказались в сфере влияния советского режима. В советские времена правду о Холокосте замалчивали или она доходила в искаженном виде. Я не такой идиот и фанатик, чтобы думать, будто Литва за несколько лет независимости может настолько созреть, что смело взглянет на самые черные пятна своей истории. Франция это сделала только через пятьдесят лет после войны. Но все равно рано или поздно это придется сделать и литовцам”.

Ну, думаю, нет в этом Зуроффе ничего страшного, даже жалко, что этого мамонта на нашей конференции не будет. Предлагаю ему обычное в таких случаях решение – сейчас, пока он в Литве, сделать видеозапись его доклада и показать ее во время конференции. Польза от этого была бы тройная: мы бы и мамонта заполучили, и литовские историки не стали бы нас бойкотировать, и драки мы бы избежали.

Вот так и началось мое знакомство с очернителем Литвы и злодеем, доводящим до слез учительниц. С человеком, который несколько десятилетий упорно преследует нацистов по всему миру, охотится на них практически в одиночку, получая хоть какое-то финансирование для своего мелкого предприятия от Соединенных Штатов, но без поддержки со стороны Государства Израиль. Когда Зурофф был в Вильнюсе, израильский посол в Литве его, можно сказать, “послал”, потому что он только разъезжает повсюду и портит людям настроение.

Видеозапись доклада охотника за нацистами мы делали в гостинице рядом с вокзалом, в холле, на фоне громко разговаривающих русских туристов. После записи распрощались. Крепко пожали друг другу руки. “А знаете, о чем я мечтаю? – спросила я Зуроффа. – О том, чтобы когда-нибудь на такой вот конференции, посвященной Холокосту, я смогла бы попросить вас и господина Каца выйти из зала и закрыть за собой дверь с той стороны. Пришло время, сказала бы я вам, когда мы, литовцы, сами, без вашей помощи, разберемся с черными или серыми пятнами своего прошлого”. – “Превосходно, – ответил он, – и я мечтаю о том же”.

По дороге домой я думала о том, что говорил Эфраим Зурофф, о том, какая доля правды в его словах об убийствах евреев в Восточной Европе, о том, что будут говорить о вине населения Литвы на нашей конференции докладчики-литовцы. И еще одна мысль пришла мне в голову: наверное, интересно было бы вместе с Эфраимом Зуроффом проехать по Литве, по местам истребления евреев, в поисках еще живых свидетелей, в поисках правды. Начали бы мы с Линкмениса, где жили его прадеды, павшие под пулями в Панеряе. Мог бы получиться документальный фильм с отличным названием – “Путешествие с врагом”. Что нашли бы в этом путешествии мы, враги, литовка и еврей? Чья версия Холокоста в Литве подтвердилась бы: правда литовских учебников или совсем другая, страшная, которую потому и замалчивают? А что, если Зурофф не чудовище? Кто тогда чудовище?

Несем ли мы ответственность за свою историю?

Удивительный вопрос, вы согласны? Невероятно, но правда: так называется глава о Холокосте в учебнике, рекомендованном министерством просвещения и науки. Итак, *Laikas* (“Время”), учебник истории для десятого класса, издательство *Briedis*, 2007 год.

Внимательно читаю.

Жертвами нацистов и их пособников, *некоторых литовских подонков*, стали более 130 тысяч человек (с. 118).

Глава “Несем ли мы ответственность за свою историю?”

В наше время литовцам на Западе часто приклеивают ярлык *zudšaudžiai* – расстрельщиков, убийц евреев, – утверждая, что литовский антисемитизм имеет глубокие исторические корни, что местные жители охотно участвовали в истреблении евреев. На самом деле было не так. [...] Сначала народы рассорили большевики, потом – нацисты. Во время Второй мировой войны преследование и уничтожение евреев организовала и осуществляла нацистская Германия, которая оккупировала Литву. Очевидно и то, что без поддержки сотрудничавших с нацистами литовских властей *не удалось бы истребить так много наших евреев*. Из-за нескольких тысяч участников массовой расправы на Литве осталось несмываемое кровавое пятно.

Несет ли литовский народ ответственность за Холокост? Бывший узник Каунасского гетто профессор Александр Штротас утверждает: “Может быть, худшее наследие Холокоста – обоюдная склонность взвалить ответственность на народы и группы людей и растущее – также обоюдное – нежелание *отделить виновных от невиновных и от лучших, благороднейших людей*, какие были среди представителей всех народов”. [...] В 1994 году Сейм Литовской республики объявил 23 сентября – день ликвидации Вильнюсского гетто – днем памяти геноцида литовских евреев (с. 121).

На этом глава заканчивается.

Читаю – и у меня концы с концами не сходятся. То ли евреев убивали “некоторые литовские подонки”, как утверждается на странице 118, то ли все же “сотрудничавшие с нацистами литовские власти” содействовали массовым убийствам, как утверждается на странице 121, кроме того, даже “из-за нескольких тысяч участников массовой расправы на Литве осталось несмываемое кровавое пятно”? Так правильно ли я понимаю, что тогдашняя литовская власть поддерживала подонков, а значит, сама была такая же? А подонков было несколько тысяч? Многовато... А может, эти несколько тысяч, опиравшиеся на поддержку литовской власти, были не подонками, а... Кем они были? И поскольку учебник предлагает отделить виновных от невиновных и от лучших, благороднейших людей – так отделим.

В гибели 96 процентов литовских евреев виновны (кроме нацистов) ... Есть три варианта:

Подонки.

Литовские власти.

Тысячи литовцев.

Какой из вариантов правильный? Или все три?

Так я начала поиски ответов. Меня вдохновляла и статья историка Нериюса Шепетиса, которую после проекта “Быть евреем” разместили у себя целых три литовских портала. Историк размышляет о том, не был ли этот проект всего лишь “шоу полезных идиотов”⁵.

⁵ Авторство термина “полезные идиоты” обычно приписывается Ленину, иногда – Радеку. Раньше так называли граждан западных стран, симпатизировавших СССР и считавших себя его союзниками, которых советское правительство использовало в своих целях. Сейчас термин применяется более широко для обозначения человека, который оказывается марионеткой политического движения, террористической группы или враждебного правительства, иногда под полезным идиотом подразумевают невежду, которого легко заставить действовать против собственных интересов или во имя “высшего блага”. (Прим. пер.)

Те, кто участвовал в Литве в истреблении наших евреев, – большей частью литовцы. И что? Давайте составим их списки, еще лучше – напишем их биографии, понемногу выявляя (если получится) типичные черты, но так просто не отдадим наших евреев тем, кто уподобляется охотникам на нацистов (таким, как Зурофф) или защитникам истории (таким, как Кац). Потому что для них жившие среди нас и убитые евреи – только оружие⁶.

Слова “И что?” побудили меня начать книгу – одинокий путь одной женщины в сторону истины. Главное правило, которого я придерживалась в этом моем путешествии, – углубляться только в то, что написано, издано или сказано в Литве, написано или сказано своими, литовскими людьми. А не теми, кто живет в США или Израиле. Никаких свидетельств с той стороны.

С чего, с кого начать? Может быть, с детей – свидетелей Холокоста?

⁶ Nerijus Šepetys. “*Būti žydu*» Lietuvoje: Šoa atminimo stiprinimas, pilietinio sąmoningumo ugdymas, o gal... naudingų idiotų šou?” 15 min. It, 30 мая 2015 г.

II. Свои. Дети, которые видели

В Вашингтонском музее Холокоста хранятся несколько сотен видеозаписей – интервью⁷ с людьми из Литвы, которые видели события 1941 года. Или с теми, кто участвовал в Холокосте.

Лаймонас Нореика

Актер, лауреат Национальной премии Литвы

Летом 1941 года Лаймонасу было 14 лет.

В июне 1941 года, когда началась война, мы с братом работали в переплетной мастерской. Возвращаясь домой, мы увидели, что на повороте с проспекта Витаутаса стоит толпа. Небольшая толпа, человек, может, пятьдесят. Мы с братом подошли. Мне тогда шел пятнадцатый год, а брату было уже восемнадцать. Я притиснулся к ограде, там была такая плетеная проволочная ограда. Притиснулся совсем близко. Это был гараж “Летукиса”⁸. Три двери, ведущие в гараж, были распахнуты, а двор полон конского навоза. Его было так много – наверное, в этом гараже или немцы, или русские перед отступлением держали коней, и собралось много этого навоза.

У меня прямо перед глазами стоит мужчина, одетый в черное, интеллигентный такой, а другой падает на колени и сгребает этот навоз. А тот интеллигентный лупит его по спине железной штангой и орет: “Норма! Норма! Норма!” А человек собирает этот навоз, навоз у него из рук валится, и тот опять бьет его по спине железной штангой и опять орет: “Норма!”

Я увидел две группы. Один одну забивает, другой другую. Ужас кромешный. Я больше никуда и не смотрел даже... И тот человек потом упал и уже не поднялся. Тогда этот взял шланг там, где машины моют, и льет на него воду, и тот начал шевелиться, подниматься... Тогда опять битие, опять навоз и опять: “Норма, норма!”

Гаражные ворота открыты, на земле видны неподвижные люди. А дальше там внутри темно, ничего не видно. У ворот одни люди стоят, другие лежат. Живые? Неживые? Не шевелятся. У меня осталось впечатление, что все они там – и те, кто избивал, и те, кого избивали, – были интеллигентные люди в костюмах, не какие-нибудь рабочие. Крови не видел, только навоз и потоки воды.

В толпе не было ни одобряющих, ни протестующих, все только смотрели, прижавшись к этой ограде. Любопытные. Мы там пробыли, может, десять минут, может, больше... Потом брат взял меня за плечи, оттащил от ограды, и мы пошли домой.

А в то время по другую сторону проспекта Витаутаса было Каунаасское центральное городское кладбище, и там шли похороны погибших белоповязочников. Играли траурные марши. Ужас. Тут убийства, а тут марши.

⁷ Все четыре интервью – из фондов Вашингтонского музея Холокоста. Коллекция Джеффа и Тоби Хэпп.

⁸ *Lietūkis* можно было бы буквально перевести как “Литхоз”, это сокращение от *Lietuvos žemės ūkio kooperatyvų sąjunga* (Литовский сельскохозяйственный кооперативный союз). Гараж принадлежал сельскохозяйственному кооперативу, существовавшему с 1923 по 1940 год. *Прим. пер.*

Возвращаясь домой, мы слышали крики. Это белоповязочники хватали евреев, чтобы те убрали трупы со взорванного Алексотского моста. Трупы эти были везде: и в воде, придавленные обломками. На другой день трупов уже не было. То ли их увезли куда, то ли отцепили от обломков и пустили по течению Немана.

[7 октября 2004 года, Вильнюс]

27 июня 1941 года в гараже “Летукиса” были забиты ломами 52 каунасских еврея.

Юлюс Шмулькштис

Доктор философии, в прошлом – советник президента Валдаса Адамкуса

Летом 1941 года Юлюсу было 11 лет.

Мы купались в Немане, на пляже в Кулаутуве⁹. Вдруг мы слышали выстрелы и поняли, что звуки доносятся с другого берега Немана. Подошла группа людей, мы снова слышали выстрелы, и эта группа людей пропала, наверное, они упали в яму. Мы залезли в ивняк на берегу Немана и смотрели, наверное, с полчаса или дольше, но потом заметили, что над тем местом поднялся столб пара или дыма.

Мы вернулись обратно в поселок. Там собрались люди и что-то с жаром обсуждали. Остановились послушать. От некоторых я услышал, что расстреляли евреев из Запишкиса¹⁰ и что нас это не касается, не наше дело. Но были и такие, кто говорил: но это наши друзья, наши знакомые. Даже имена называли. У меня осталось впечатление, что эти люди поделились на две половины: одни были потрясены тем, что людей расстреляли, а других это нисколько не потрясло, и они приводили различные аргументы, доказывая, что ничего страшного не происходит.

Позже я узнал, что в тот день действительно расстреляли евреев из Запишкиса, и еще я узнал, что, как делалось во многих местах, на закопанные трупы расстрелянных, сваленные в яму, сыпали известь, а на известь лили воду, и оттого сверху поднимался пар.

[9 мая 2001 года]

Антанас Кмеляускас

Художник, лауреат Национальной премии Литвы

Летом 1941 года Антанасу было 9 лет.

В Бутримонисе, где мы жили, было много евреев. Дом к дому лепился, и везде лавки. А в них всего полно, люди из костела шли, заходили в эти лавки.

Потом евреев начали регистрировать и прицепили им спереди на лацканы желтые звезды. Так это еще ничего, но как-то очень неприятно было, когда прицепили еще и на спину, как будто бы специально пометили, куда целиться.

⁹ Кулаутува – местечко неподалеку от Каунаса, в то время – курортный поселок. (Прим. пер.)

¹⁰ Запишкис – местечко в Каунасском районе. (Прим. пер.)

В тот день расстрела я услышал от отца, что всех евреев согнали на площадь и велели раздеться. Это для всех был такой ужас. Мы, дети, поняли, что будет что-то страшное. А потом, вечером, их били, потому что стоны слышались. Мы хотели пойти посмотреть, но детей не пустили. Уже в лесу были ямы вырыты, и все знали, что евреев будут расстреливать, и ждали этого.

Мы, дети, на другой день под вечер пошли к лесу, в сторону Клиджёниса. Небо над Бутримонисом с западной стороны было такое красное, а может, мне только так запомнилось от этого ужаса... Мы пришли, за домом спрятались и стали смотреть. Их пригнали, почти ничем не прикрытых, голые были, без одежды. Разве что в трусах. Было их, наверное, человек десять. Они стояли у самого края ямы. Выстрелили, и они все упали. Стреляли в спину, и руки у этих людей тоже были за спину заложены. Тех, которые стреляли, тоже было, наверное, десять, все они были в зеленой форме.

Людей приводили из местечка партиями. Им ничего не говорили, и ждать им тоже не приходилось. Больше вели женщин и старых людей, потому что тех, кто помоложе, еще раньше увезли в Алитус расстреливать. Может, сопротивления боялись. Приводят, расстреливают и других гонят.

Потом мне после этих расстрелов кошмары снились. Ямы. Может, всем детям кошмары снятся? Кто видел эти расстрелы, у тех на всю жизнь след остался. Справедливости нет ни капли.

Родители сказали, что потом одежду евреев свалили на втором этаже одного дома, связали в узлы и через окно со второго этажа спускали вниз. Были люди, которые ее брали. Вот какие мерзкие дела.

Те, кто там участвовал в расправе над евреями, потом старались убедить, что евреи людей эксплуатировали. Те же самые потом помогали Советам, когда людей в Сибирь увозили. Чаще всего это были пожилые люди, которых легко было убедить, что они бедно живут, потому что их евреи эксплуатируют. Думали, возьмут у евреев что-нибудь, когда тех расстреляют. Потом те же самые говорили, что их эксплуатировали богачи, литовцы. И этих эксплуататоров везли в Сибирь. И немцы, и русские одинаково действовали. Был один такой, который возил зерно еврею в Каунас. Еврей давал ему заработать. А тот говорил, что он еврею служит и что еврей его эксплуатирует. Есть такие люди, которые в кого угодно могут стрелять, хотя бы и в ребенка. Если бы потом пришли какие-нибудь китайцы и сказали, что надо расстреливать художников, поскольку те не работают, а эксплуатируют, нашлось бы достаточно людей – таких, кто стал бы стрелять. Только надо, чтобы нашлась такая власть, такие организаторы. Есть такой тип людей – с низким интеллектом и образованием – их нетрудно убедить...

[19 апреля 1998 года]

Марцелиус Мартинайтис

Поэт, лауреат Национальной премии Литвы

Летом 1941 года Марцелиусу было 5 лет.

Я два раза видел, как убивали евреев. Воспоминания глубоко врезались мне в память.

Мы с отцом возвращались с рынка, из Расейния. На пастбище было еврейское гетто, и евреев строем гнали по Юрбаркскому шоссе. Мы ехали на

телеге и обогнали вереницы людей, которых вели расстреливать. Было очень странно, что так много людей гонят, а по бокам только четверо с автоматами. Я тогда был ребенком и удивлялся, почему они не бегут.

В другой раз, когда мы возвращались из Расейняя, нас остановили на дороге у поворота. Пригнали группу. Им велели раздеться. И женщины были голые. Почему-то их не выстроили, чтобы расстрелять. Двое мужчин взяли жердь, опустили в яму у края, расхаживали по ней и стреляли.

Был август, время жатвы, начинали убирать рожь. Ясные, теплые дни. Было очень много расстрелов. Каждый день по несколько раз. Слышались крики из-за горы, очень далеко разносились. И мы знали, что сейчас начнут расстреливать. Жнецы, услышав выстрелы, переставали работать. Женщины, когда слышали выстрелы, молились, опускались на колени. Потом слышны были автоматы. Потом тишина, тишина, тишина.

Когда расстреливали, засыпали землей, потом следующая партия, следующая. Оставались живые. Так они ночью, выбравшись из-под земли, выкопавшись, приходили в нашу деревню. Мне их судьба неизвестна, потому что от детей все очень скрывали, дети пробалтывались. Те люди оставались, их не выдавали. Я видел, как один приполз окровавленный, и потом он исчез. Может, переночевал у родителей, может, кто другой к себе взял, не знаю.

И еще рассказывали страшное. Сам не видел, но говорили, что детей не расстреливали, детей забивали. Били о дерево, череп раскалывался, и тогда их бросали в яму. Потому что ребенка трудно застрелить, он мелкий.

Кто стрелял? Я видел такую картину: немцы были, но они как-то поодаль держались. Стреляли местные. Из нашей деревни двое было. Улецкас и Савицкис. Еще один из соседней деревни. Соседи, которые жили в нескольких сотнях метров, после расстрела заходили к нам. Подвыпившие. Одетые в форму с черепом на рукаве. Очень ею гордились и все показывали эту нашивку. Хотели выпить, так приносили одежду и другие вещи, предлагали родителям, но те не брали. Во всей деревне никто не брал. Улецкас после войны ушел в лес, но скитался один, потому что партизаны его не приняли. Потом его застрелили. Савицкис прятался, зимой его нашли в усадьбе, он бежал босиком по снегу. Подстрелили, и он оставлял кровавые следы.

Там, где евреев расстреливали, после войны коров пасли. Потом стали прокладывать магистраль Каунас – Клайпеда. Прокладывали дорогу и не знали, что там могилы. Копали, и начали выворачивать черепа, кости. Потом заасфальтировали эти захоронения.

[28 сентября 1998 года]

III. Свои. Политики

*В честь судьбы
той Литвы
единение (...без евреев)¹¹*

После начала советской оккупации 1940 года в Литве пробудилась огромная ненависть к евреям. Почему? Да ведь они, евреи, встречали русских с цветами. Они, евреи, ссылали литовцев в Сибирь. Они, евреи, заняли все руководящие посты. Они, евреи, допрашивали, томили и пытали литовских патриотов в застенках НКВД.

Вот такая правда про евреев. Ее литовцы того времени видели, слышали и читали.

Евреи при Советах оказались у власти

Это правда. Ведь при Сметоне¹² евреев во власти не было. Они не имели права занимать государственные должности. При Советах во властных структурах вдруг появились евреи, и они стали очень заметными. Очень раздражающими. Неважно, что их было немного, – они были.

Евреи встречали Советскую Армию с цветами

Появление армии означало для них избавление от смерти. А самыми первыми Красную армию более чем дружелюбно встретили не евреи, а офицеры литовской армии, “выполняя приказ командира армии генерала Виткаускаса и начальника штаба армии генерала Пундзявичюса от 15 июня. Были случаи, когда в баках танков, кативших по дорогам Литвы, заканчивалось горючее, они застревали у обочины, и горючее в баки этих танков заливали бензовозы литовской армии”¹³.

Евреи были коммунистами или им сочувствующими

Факты: “Состав Литовской коммунистической партии на 1 января 1941 года: 63,5 процента литовцев, евреев и русских – по 16 процентов”¹⁴.

Имущество евреев при Советах не пострадало

Факты: “Около 83 процентов национализированных советской властью предприятий принадлежало евреям”¹⁵.

Евреев не ссылали в Сибирь. Евреи сами нас ссылали

Факты: “Не менее 20 процентов всех сосланных в 1941 году в Сибирь людей составляли евреи”¹⁶.

¹¹ Переделанные последние строки гимна Литвы *Tautiška giesmė* (“Национальная песнь”). На самом деле заключительные строки гимна – “В честь судьбы той Литвы единение наше!”. (Прим. пер.)

¹² Антанас Сметона (1874–1944) – первый президент Литовской республики в 1919–1920 гг. и с 1926 по 1940 г. (Прим. пер.)

¹³ Liudas Truska. *Holokausto prielaidos Lietuvoje*. Iš: *Šoa (Holokaustas) Lietuvoje*. Skaitiniai. II dalis. Sudarė Josifas Levinsonas. Vilnius, 2004, p. 137–138.

¹⁴ Alfonsas Eidintas. *Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva*. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla: dokumentų ir straipsnių rinkinys*. Vilnius, 2001, p. 137.

¹⁵ Ibid, p. 74.

¹⁶ Aleksandras Štomas. *Žydų ir nežydų patirtis*. Iš: *Šoa (Holokaustas) Lietuvoje*, p. 189.

“Центральный штаб, руководивший операцией высылки людей, состоял из девяти человек, все они прибыли из России: Быков, Бакулин, Герасимович, Гузеев, Холева, Иванов, Медведев, Николин, Попов”¹⁷.

Большинство сотрудников госбезопасности были евреями

Факты: “В конце мая 1941 года русскоязычные составляли 52,2 проц., литовцы – 31,2 проц., евреи – 16,6 проц. сотрудников аппарата госбезопасности”¹⁸.

В Райняйском лесу наших убивали евреи

Показания исполнителя казни Домаса Роцюса: “Расстреливали красноармейцы. Из наших там были: начальник отдела НКГБ¹⁹ Расланас Пятрас, оперативный уполномоченный Галкин и тюремный надзиратель Поцявичюс”²⁰.

В 1940 году “Евреи-коммунисты не могли предчувствовать, какой козырь они дали в руки националистам и литовским антисемитам (а позже и пропаганде нацистских оккупантов)”²¹.

“Образ жидобольшевика родился не в Литве, он появился в рейхе, а оттуда его имплантировать помог Фронт литовских активистов”²².

Весной 1941 года в Литве стали появляться воззвания из Берлина.

Литовские активисты

*“Приветствие активистов – поднять вверх правую руку”²³.
Из воззвания к народу Литовского фронта активистов (ЛФА)²⁴*

Литовский фронт активистов был создан в Берлине, на квартире литовского посланника в Германии Казиса Шкирпы, всего за полгода до войны... В оккупированной Советами Литве пока затишье, литовцев еще не начали ссылать – вскоре начнут. Однако в эмиграции тысяча бывших политиков независимой Литвы, и они берутся за дело.

Казис Шкирпа – первый доброволец литовской армии, амбициозный политик, которого президент Антанас Сметона почему-то не захотел назначить премьер-министром. Сметона – он уже живет в США – сторонник нейтралитета Литвы. Шкирпа, который уже давно живет в Берлине, будущее Литвы видит только общим с гитлеровской Германией. Он здесь свой, у него здесь много друзей. Планируя работу создающегося фронта активистов, Шкирпа согласовывает программу действий с представителями немецкого военного руководства. “Казис Шкирпа поддерживал связи с высшим немецким военным начальством (OKW), с военной разведкой (*Abwehr*), с немецкой службой безопасности (*Sicherheitsdienst*). Шкирпа был убежденным противником литовского нейтралитета, пропагандировал тесный экономический и военный союз с Германией”.²⁵ Проходят заседания участников ЛФА, собираются информация и пропагандистские материалы, все это вскоре пригодится, чтобы поднять литовцев на борьбу с большевиками и жидами. Борьба – только совместно с немцами. Фронт литовских активистов готовит

¹⁷ Liudas Truska. *Lietuviai ir žydai nuo XIX a. pabaigos iki 1941 m. birželio: antisemitizmo Lietuvoje raida*. Vilnius, 2005, p. 222.

¹⁸ Liudas Truska, Arvydas Anušauskas, Inga Petravičiute. *Sovietinis saugumas Lietuvoje 1940–1953 metais*. Vilnius, 1999, p. 93.

¹⁹ НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности. С марта по июль 1941 года Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР был разделен на два самостоятельных органа: НКВД СССР и НКГБ СССР, затем они вновь были слиты в единый наркомат – НКВД СССР. (Прим. пер.).

²⁰ *Rainiu tragedija, 1941 m. birželio 24–25 d.* Parengė Arvydas Anušauskas ir Birutė Burauskaitė. Vilnius, 2000, p. 6–7.

²¹ Liudas Truska, Arvydas Anušauskas, Inga Petravičiute. *Sovietinis saugumas Lietuvoje 1940–1953 metais*, p. 71.

²² Alfonsas Eidintas. *Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva*. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla: dokumentų ir straipsnių rinkinys*, p. 81.

²³ LYA, K-1, ap. 58, b. 12949/3, p. 64–16.

²⁴ Или – Фронт литовских активистов (*Lietuvos activistų frontas (LAF)*). (Прим. пер.)

²⁵ *1941 metų sukilimo baltosios dėmės. Pokalbis su Sauliumi Sužiedėliu*. Iš: *Šoa (Holokaustas) Lietuvoje*, p. 163.

восстание, которое, по договоренности с представителями рейха, должно начаться в тот самый день, когда немецкие войска войдут в Литву.

Один из новых членов ЛФА – молодой юрист Миколас Науйокайтис. Зимой 1940 года он с помощью гестапо перешел границу между оккупированной Советами Литвой и Германией, намереваясь отправиться к брату в Америку. Не уехал. Получил работу в Берлине, а вскоре и задание ЛФА – снова перейти границу, на этот раз с информационными материалами для Литвы. Миколас должен будет сплотить литовцев – создать отделения Литовского фронта активистов в Каунасе, Вильнюсе, Паневежисе и Утене. В начале июня Науйокайтиса благодаря стараниям ЛФА в Тилже²⁶ ждали немцы, подготовив все, чтобы он мог успешно перейти границу: два пистолета, патроны, а еще – химикаты для изготовления секретных чернил, их он вместе с воззваниями Литовского фронта активистов должен был передать ожидавшим в Литве людям. Советский пограничник, который патрулировал свой участок с собакой, заметил Науйокайтиса и двух мужчин, пересекавших границу вместе с ним, выстрелил и ранил отважного связного Литовского фронта активистов. Убегая, тот потерял портфель со всеми подготовленными руководством ЛФА материалами.

Воззвания поднимали боевой дух литовцев перед будущим антисоветским восстанием:

Всем литовцам

Прочитай, передай другому

ЕВРЕЕВ – ДОЛОЙ

Во времена Гедиминаса Литву наводнили евреи.

В годы гнета польских дворян литовец превратился в крепостного раба, а еврей – в торговца, купца.

Когда Литву заняла царская Россия, еврейство и дальше процветало; литовец, лишенный свободы, утратил еще и печать²⁷.

В бурях Великой войны распались железные оковы России, но все еще терзает нас жесточайший паразит нашего народа – еврей...

Оккупировали Литву большевики – евреи все как один с красными тряпками их встретили: евреи радовались, взвалив на нас коммунистско-жидовское иго.

ЛИТОВЕЦ, сегодня твоих близких и друзей убивает свора этих выроdkов. Вся Литва залита кровью лучших своих сынов.

НЕ ЗА ТАКУЮ ЛИТВУ СЛОЖИЛИ ГОЛОВЫ МУЖИ МИНДАУГАСА, КЯСТУТИСА И ВИТАУТАСА.

НЕ НА ТО НАДЕЯЛИСЬ ПАВШИЕ В БИТВАХ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ЛИТОВСКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ.

Веками живший в рабстве ЛИТОВЕЦ, ИДИ СРАЖАТЬСЯ ЗА СВОБОДУ.

СМЕРТЬЮ ОТОМСТИМ ЖИДАМ И КОММУНИСТАМ ЗА НЕВИННО ПРОЛИТУЮ БРАТСКУЮ КРОВЬ.

Навеки уничтожим проклятый род обманщиков, эксплуататоров и убийц.

ЛИТОВЦЫ, кто только еще живой, ВЫЗВОЛИМ ОТЧИЗНУ ИЗ ЕВРЕЙСКОГО РАБСТВА²⁸.

²⁶ Тилже – литовское название Советска, города в Калининградской области, до 1946 года он назывался Тильзит. (Прим. пер.)

²⁷ После польского восстания 1863–1864 года на печать литовских изданий “латинско-польскими буквами” был наложен запрет, действовавший с 1865 по 1904 г. (Прим. пер.).

²⁸ LYA, K-1, ap. 58, b. 12949/3, t. 1, p. 63–16.

Другое воззвание обращено к ЖИДАМ ЛИТВЫ и заканчивается словами:

Обобранная и растерзанная вами ЛИТВА УЖЕ ПРИГОТОВИЛАСЬ
ВОССТАТЬ. По вашим трупам придет к нам свобода²⁹.

В потерянном Миколасом Науйокайтисом портфеле сотрудники НКВД нашли воззвания:

“Долой евреев” – 69 шт.

“Жидам Литвы” – 93 шт.

“Навсегда освободим Литву” – 35 шт.

Ни в найденных в портфеле, ни в других текстах ЛФА не упоминается о возрождении существовавшего до войны независимого государства или о восстановлении независимости. В одном из текстов, которые Науйокайтис вез в портфеле в Литву, высказывалось сожаление о том, что “в независимой Литве не обуздали евреев и им подобные элементы, которые ради своего блага эксплуатировали литовцев”³⁰.

Несколько дней спустя схваченный в пограничной полосе и снова раненный Миколас Науйокайтис на допросе в НКВД рассказал о том, что происходило в Берлине, в штабе ЛФА, назвал фамилии руководителей Фронта литовских активистов, однако Казиса Шкирпу не упомянул. Он пробыл в заключении полтора месяца, потом началась война, и Науйокайтис вышел на свободу. В 1944 году он ушел с отступающими немцами. В 1998 году президент Валдас Адамкус наградил Миколаса Науйокайтиса крестом Командора ордена Креста Витиса³¹.

Тексты Фронта литовских активистов были составлены весной 1941 года.

Руководитель ЛФА, друг рейха и литовский патриот Казис Шкирпа согласовывал организацию восстания с немецким военным командованием. “Литовское восстание было подготовлено с ведома ОКВ”, – пишет он в книге воспоминаний “Восстание”³². Целью готовящегося восстания было не только показать немцам и всему миру, что Литва сопротивляется советской оккупации, но и добиваться независимости. Шкирпа надеялся, что немцы, увидев старания литовцев и их верность рейху, предоставят Литве независимость, а сам он, так усердно служивший немецкой власти, встанет у кормила государства. Немцы восстание приветствовали, участвовали в его подготовке, однако к речам Шкирпы о стремлении к независимости оставались глухи.

Рейх не считал необходимым сообщать лояльным литовцам о своих военных планах. Казис Шкирпа вспоминает, что один человек из ЛФА, работавший в берлинской типографии, ночью с 21 на 22 июня случайно увидел кипы отпечатанных воззваний Гитлера “На Восточный фронт”. Руководители Литовского фронта активистов, зная, что Гитлеру нравится нападать в ночь с субботы на воскресенье, поняли, что 22 июня он начнет войну. В тот же день по берлинскому радио было передано воззвание ЛФА “Навсегда избавим Литву от еврейского ига”. Воззвание сразу же начали распространять в Литве.

²⁹ Ibid., p. 63–14.

³⁰ Ibid., p. 69–15.

³¹ Одна из высших литовских государственных наград. Орденом Креста Витиса награждают тех, кто проявил героическую храбрость и стойкость, защищая свободу и независимость Литовской республики. Крест Командора – третья (из пяти) степень ордена. (Прим. пер.)

³² Kazys Škirpa. *Sukilimas Lietuvos suverenumui atstatyti: dokumentinė apžvalga*. Vašingtonas, 1973, p. 367.

Навсегда избавим Литву от еврейского ига

Братья и сестры, литовцы. Вскоре настанет долгожданный час, когда литовский народ вновь получит свободу и восстановит независимость литовского государства.

Сегодня мы все вступаем в борьбу против общего двойного врага. Этот враг – Красная армия, российский большевизм. [...] Мы все уверены, что главным и тайным пособником этого врага был еврей. Еврей не принадлежит ни к какому народу или обществу. У него нет ни родины, ни государства. Он всегда лишь еврей. [...] Русский коммунизм и его вечный слуга еврей – это один и тот же общий враг. Устранение оккупации русского коммунизма и еврейского ига – общее и самое святое дело. [...]

Витаутас Великий предоставил евреям в Литве право убежища, надеясь, что это не выйдет за границы гостеприимства. Но для израильского клеща это была лишь первая возможность вцепиться в тело литовского народа. Вскоре после этого евреи стали все больше распространяться, все больше становилось дельцов-мошенников, ростовщиков-процентщиков, корчмарей. [...]

Самыми яркими чекистами, доносчиками на литовцев и мучителями, истязавшими арестованных литовцев, были и остаются евреи. [...] Одним словом, повсюду евреи, эти ненасытные паразиты, – самые подлые мучители и эксплуататоры литовских рабочих, крестьян и горожан.

Литовский фронт активистов от имени всего литовского народа самым торжественным образом постановил:

1. Старое, данное евреям во времена Витаутаса Великого право убежища полностью и окончательно у них отобрано.

2. Всякому без исключения литовскому еврею настоящим определенно предписано без промедления покинуть литовскую землю.

3. Все те евреи, которые особенно отличились такими действиями, как измена литовскому государству и преследование, мучительство или нанесение обиды литовским соотечественникам, будут отдельно привлечены к ответственности и понесут надлежащее наказание. Долг всех честных литовцев – принимать меры к задержанию таких евреев и, в серьезных случаях, карать их.

4. Все недвижимое имущество, которым раньше владели или продолжают владеть евреи, перейдет в собственность литовского народа.

В заново отстроенной Литве ни один еврей не будет иметь ни гражданских прав, ни возможности проживания. Таким образом, будут исправлены ошибки прошлого и совершенные евреями подлости. Таким образом, будут заложены прочные основы счастливого будущего и свершений нашего арийского народа.

*Литовский фронт активистов*³³

В 1973 году Казис Шкирпа, живший в США, издал книгу воспоминаний “Восстание ради возвращения суверенитета Литвы”, в которой опубликованы важнейшие документы ЛФА. Все, что в то время было написано про евреев, исчезло. Другие времена – другие документы.

³³ LYA, K-1, ap. 58, b. 12949/3, t. 1, p. 64–18.

Восстание

22 июня 1941 года, когда началась война, Красная армия бежала из Литвы на восток, оставив полные склады оружия. 23 июня Литовский фронт активистов поднял в Каунасе восстание, желая тем самым показать Германии, что Литва – не территория СССР, и смыть позор 1940 года, когда Красную армию встретили без единого выстрела (если бы понадобилось найти героя 1940 года, мы бы его не нашли, говорят историки). В июне 1941 года все уже совсем по-другому, литовские герои восстали против оккупантов. Повстанцы освобождали заключенных, посаженных за решетку Советами, взрывали мосты, дрались с отступающими красноармейцами. Выполняя распоряжение немцев, все повстанцы носили на рукаве белую повязку с буквами TDA (*Tautinio darbo apsauga* – Национальный трудовой охранный батальон).

Кто были эти повстанцы? “Отряды вооруженных повстанцев называли по-разному: активистами, партизанами, отрядами охраны, вспомогательной полицией, Национальным трудовым охранным батальоном”³⁴. С кем они воевали? Несомненно, с отступающей Красной армией. Но только ли? С коммунистами в Литве? Чьи приказы они выполняли?

В Литовском особом архиве хранится дело сотрудников Вильнюсской психиатрической больницы. Им в первые дни войны на больничном собрании предложили пойти в полицейский участок и зарегистрироваться как повстанцы.

Уже 25 июня все эти мужчины – представители администрации и санитары – получили оружие и задание арестовать евреев, живущих в Вильнюсе на улице Вокечю (Немецкой) и отправить их в Лукишкскую тюрьму. Работать пришлось несколько дней – несколько десятков еврейских семей были заключены в тюрьму, их имущество конфисковали, квартиры опечатали. Евреи, попавшие в Лукишки, вскоре были “переданы Особому отряду” или “переданы немецкой службе безопасности” – так записано рядом с фамилиями в тюремных книгах (“Книга учета арестованных”, ЦВА, фонд Р 730, опись 2, дело № 35). Эти еврейские семьи были большевиками? Вся улица Вокечю – большевики? Впрочем, в книгах учета арестованных Лукишкской тюрьмы евреев начали регистрировать уже с 6 июня 1941 года.

И все же большинство литовских мужчин шли и брали оружие, веря, что сражаются за родину, и не представляя себе, что их патриотизм может быть использован для расправы над ни в чем не повинными людьми. Белые повязки должны были остаться белыми.

Сколько было повстанцев? Казис Шкирпа пишет в своей книге, что их было сто тысяч, однако, по мнению историка Альфонсаса Эйдинтаса, число это “явно преувеличено из желания показать немцам, что созревшая для свободы Литва внесла большой вклад в уничтожение коммунизма. По подсчетам историка В. Брандишаускаса, во время июньского восстания общее число активистов ЛФА и повстанцев, называемых партизанами, не превышало двадцати тысяч, погибло около шестисот человек”³⁵.

Видимо, тогда же, в последние дни июня 1941 года, и мой дед Йонас Ванагас вышел из своего дома в Каварскасе, присоединился к повстанцам и получил оружие. Тогда же он надел себе на рукав белую повязку и вступил в борьбу с ненавистными Советами – так записано в его деле, в протоколах следствия, в показаниях свидетелей. Ведь Советы только что отняли у него землю и раздали ее нуждающимся. В первые дни войны, как утверждали свидетели, которых допрашивали в ходе следствия в НКВД, он вместе с другими обстреливал прятавшихся в школе красноармейцев. Тогда же с помощью соседа перегородил бревном дорогу в Каварскасе, чтобы танки не смогли пройти и немецкая армия их догнала. За все это моего деда-патриота потом,

³⁴ Alfonsas Eidintas. *Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva*. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla: dokumentų ir straipsnių rinkinys*, p. 129.

³⁵ Ibid., p. 110.

когда вернулась советская власть, осудили по 58-й статье – измена Родине. Он провел в Карлаге полгода и, как истинный патриот, умер в 1946 году накануне 16 февраля³⁶.

Так вот, гитлеровскую армию литовцы, и в первую очередь – военные, встретили радостными криками. Русскую армию провожали выстрелами. После первой волны ссылок в Сибирь люди думали, что любая перемена будет спасительной. Для литовцев приход Гитлера означал освобождение. Для евреев – гибель, и они, охваченные паникой, бежали из Литвы, но немцы заняли ее так быстро, что вглубь СССР успели уйти только около шести процентов всех литовских евреев.

За Красной армией гнались немецкие войска, и во все время немецкой оккупации в Литве находилось всего от 600 до 900 немцев.

Оказывается, президент независимой Литвы Антанас Сметона расценивал июньское восстание, организованное Казисом Шкирпой, как работу немцев³⁷.

Временное правительство

В большинстве случаев убийство “своих” биологически, социально и нравственно оправдать невозможно, но, когда будущая жертва начинает восприниматься как “другой”, открываются двери для будущих объяснений злодеяния. В случае с евреями еще до физической смерти наступала смерть социальная, поскольку они были исключены из жизни общества. Все публичные пространства сделались недоступными. Евреям было запрещено ходить по тротуарам, им специально было приказано носить звезду Давида на одежде, удостоверения личности были отчетливо помечены буквой J (*Jude* – еврей). Они были словно подготовленные к вырубке дерева в лесу – все еще здесь, но уже “отбракованы”, и только вопрос времени, когда от евреев останутся всего лишь тени в обществе, которое уже существовало без них³⁸.

По инициативе Литовского фронта активистов в первые дни войны было создано Временное правительство Литвы (LLV – *Lietuvos laikinoji vyriausybė*). Премьер-министр – Казис Шкирпа. Невероятно: немцы, друзья ЛФА, соратники литовцев, тут же арестовали в Берлине нового премьер-министра Литвы – посадили его под домашний арест. Каждые два-три дня квартиру посещал немецкий чиновник – проверял, по-прежнему ли Шкирпа сидит дома. Шкирпа рассказывал, что мог попытаться выйти из дома, но не хотел дразнить своих друзей-немцев. Вместо оказавшегося в заточении Шкирпы обязанности премьер-министра Временного правительства стал временно исполнять учитель литературы и литературный критик Юозас Амбразявичюс, до того работавший в школе.

“Почему же созданное Литовским фронтом активистов правительство объявило себя всего лишь Временным правительством?” – спрашивает Альфонсас Эйдинтас и цитирует другого литовского историка Зенона Рекашюса: “Потому что по заявлению, сделанному самими активистами литовскому народу, только «после того как обозначатся отношения сотрудничества с Германией, будет создано постоянное правительство» – значит, Литва будет создана не по воле ее граждан, а по воле нацистской Германии”³⁹.

Едва собравшись, Временное правительство тотчас отправило Гитлеру телеграмму с изъяслениями пылкой благодарности:

³⁶ 16 февраля 1918 года в Вильнюсе был подписан Акт о независимости Литвы. (Прим. пер.)

³⁷ Alfonsas Eidintas. *Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva*. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla: dokumentų ir straipsnių rinkinys*, p. 110.

³⁸ Robert van Voren. *Neįsisavinta praeitis. Holokaustas Lietuvoje*. Kaunas, 2012, p. 142–143.

³⁹ Alfonsas Eidintas. *Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva*. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla: dokumentų ir straipsnių rinkinys*, p. 117.

По Литве пронесся ураган освободительной войны, и представители общественности свободной Литвы шлют Вам, Вождю Немецкого Народа, глубочайшую и искреннюю благодарность за избавление литовской земли от всеистребляющей жидо-большевистской оккупации и спасение литовского народа и выражают надежду на то, что Ваш гений предназначил литовскому народу участвовать в победоносном походе, который Вы поведете ради того, чтобы уничтожить иудаизм, большевизм и плутократию, отстоять свободу человеческой личности, сохранить культуру Западной Европы и воплотить в жизнь новый европейский порядок⁴⁰.

Всего лишь годом раньше, в августе 1940 года, только что “избранная” литовская власть приветствовала другого великого вождя:

Обсуждается вопрос принятия Литвы в Советский Союз. Вот появилась и наша делегация. Впереди идет со знаменем тов. Зибертас. Края красного бархатного знамени обшиты золотыми кистями, на нем красная пятиконечная звезда и лица тех великих людей, чьими именами гордится весь мир. Это имена Ленина и Сталина. Следом за знаменем идет товарищ Мотеюс Шумаускас, который несет декларацию сейма ЛССР. Декларация написана красным на листе, украшенном золотой рамкой и белым барельефом Сталина. Следом идет Саломея Нерис, которая несет написанную ею поэму о Сталине. Эта поэма написана золотыми буквами в единственном экземпляре⁴¹.

Москва бурно аплодировала литовской делегации. Руководство рейха на литовские приветствия не реагировало. Можно ли сказать, что Сталин был большим другом Литвы?

Интересно, что говорят об этом адресованном Гитлеру историческом приветствии живущие в эмиграции историки, которые высоко оценивают Временное правительство Литвы? Директор Чикагского центра исследований истории Литвы Аугустинас Идзялис в 2010 году так прокомментировал приветствие Временного правительства:

Я ему не придаю никакого значения. Приветствия есть приветствия, они ничего не означают. Все приветствуют всех. Это скорее относится к этикету, протоколу, а не к сути. [...] Представим себе людей, которые только что вырвались из объятий смерти. Ведь большинство членов Временного правительства – Юозас Амбразявичюс-Бразайтис, Адольфас Дамушис, Пранас Падалис и другие – в последнее время ночевали каждый раз все в новых местах, на них уже охотилось НКВД. Люди столько пережили, им приходилось скрываться, они испытывали душевные и физические страдания – и вдруг почувствовали себя спасенными! Не только они, но и десятки тысяч других. Так как не благодарить силы, которые помогли им спастись от верной гибели? Это чисто эмоциональное обращение.

С другой стороны, есть в этом и немного политики – желание включиться в политическую жизнь. Попытка обратить на себя внимание. Кто они такие, кто про них знает? А тут – приветствие Гитлеру. Группа, которая стремится представлять край, куда вступает немецкая армия, заявляет о себе. Естественно, что с тем, с кем неизбежно придется встретиться, прежде всего надо поздороваться, если рассчитываешь на какие-либо отношения⁴².

⁴⁰ Ibid., p. 126.

⁴¹ Kazys Škirpa. *Sukilimas Lietuvos suverenumui atstatyti: dokumentinė apžvalga*, p. 349.

⁴² Vytautas Vaitiekūnas. *Vidurnakčio dokumentai* (3 knyga). Vilnius, 1996, p.633– 634.

Прошло всего несколько дней, и по приказу немцев литовские повстанцы были разоружены. 28 июня назначенный Временным правительством комендант Каунаса Юргис Бобялис из разоруженных бывших повстанцев, партизан и новых добровольцев создал Национальный трудовой охранный батальон (TDA – *Tautinio darbo apsaugos batalionas*). За весь период оккупации в Литве было создано около двадцати таких батальонов. Считалось, что эти батальоны положат начало новой армии Литвы.

Бойцы этого батальона стерегли евреев, согнанных в первый литовский концентрационный лагерь – Каунасский VII форт. Две роты Каунасского батальона нацисты сразу заняли делом. Первая и третья роты отправились в VII форт расстреливать евреев. За один раз были убиты 2514 человек. Когда начались массовые убийства евреев, часть батальона дезертировала (с 5 по 11 июля из батальона сбежали 117 бойцов). Осталось около тысячи. Эти бойцы TDA продолжали трудиться в каунасских фортах и в других местах – они “убрали” тысячи, а потом и десятки тысяч литовских евреев. “Уборками” руководили лейтенанты Бронюс Норкус, Юозас Барзда, Анатолийус Дагис.

Временное правительство немедленно восстановило довоенные литовские административные структуры, самоуправление и полицию, издало законы о денационализации, возвращая собственность всем, кроме евреев. “Ограничения росли, евреев перед массовыми уничтожениями собирали в особых местах. В июле литовские учреждения только повторяли распоряжения немецкой администрации”⁴³.

Тем временем Шкирпа, по-прежнему живущий в Берлине под домашним арестом и все еще не верящий в немецкий цинизм, пишет петиции и меморандумы, обращается к Гитлеру и Риббентропу.

Красноречивая подробность: 23 июня арестованный премьер-министр Литвы пишет министру иностранных дел Германии Иоахиму фон Риббентропу, выражает ему и армии-освободительнице величайшую благодарность и просит разрешения вернуться на родину. Ответа нет. 29 июня письма Шкирпы были пересланы одному из чиновников с такой сопроводительной запиской: “Пересылаю Вам три письма литовца Шкирпы, которые были получены министром иностранных дел Рейха и на которые министр иностранных дел Рейха никакого ответа давать не намерен”⁴⁴. Позже Шкирпа попросил отпустить его хотя бы на похороны повстанцев в Каунасе. Немцы не отозвались. Шкирпа шлет в Литву одну инструкцию за другой, шлет программные документы, среди прочего указывая Временному правительству на то, что “очень важно популяризировать и руководителей восстания, в первую очередь лично меня, тем самым заставляя немцев больше с нами считаться”⁴⁵. Временное правительство Литвы тоже постоянно пишет немцам, рассказывая о своей лояльности, добиваясь признания или хотя бы внимания. Однако ни того, ни другого им не дожидаться. Премьер-министр Литвы Юозас Амбразявичюс рассказывает:

Отдельные ведомства и министерства делали все, что только могли, удовлетворяя немецкие экономические требования, мирясь с несправедливостями и т. д. Правительство надеялось, что в обмен на поддержку и лояльность немцы со временем дадут Литве желанную независимость. [...] Немецкие военные являлись в различные министерства с различными пожеланиями, и мы всегда старались удовлетворять их желания на сто процентов”⁴⁶.

⁴³ Vidmantas Valiušaitis. *Kalbėkime patys, girdėkime kitus*. Vilnius, 2013, p. 124, 92.

⁴⁴ Alfonsas Eidintas. *Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva*. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla: dokumentų ir straipsnių rinkinys*, p. 112.

⁴⁵ Kazys Škirpa. *Sukilimas Lietuvos suverenumui atstatyti: dokumentinė apžvalga*, p. 351.

⁴⁶ Ibid., p. 364.

Литовское временное правительство старалось во имя Литвы. Оно ничего не делало для того, чтобы ухудшить положение евреев, говорится теперь в воспоминаниях бывших членов этого правительства и сочинениях профессора Витаутаса Ландсбергиса, и даже напротив, комендант Каунаса Юргис Бобялис “растянул” срок переселения евреев в гетто с пяти часов до целого месяца и сам лично выпустил нескольких евреев из VII форта. Кроме того, правительство, узнав об избиениях в гараже “Летукиса” и в Вилиямполе, в тот же день решило “избегать публичных экзекуций евреев”. И еще впоследствии правительство сожалело о том, что не смогло на убийства евреев “воздействовать в положительном смысле” – это слова премьер-министра⁴⁷. Больше о Холокосте в Литве правительство не высказывалось.

Почему Временное правительство не заботилось о евреях, которые также были гражданами Литвы – Литвы, где по Конституции 1938 года все граждане были равны? Ответ прост и ясен.

Историк А. Идзялис пишет:

Мой ответ был бы таким. Это не вопрос “озабоченности”. Это вопрос возможностей. Как поступают во время войны, когда раненых людей много, когда не хватает врачей и медикаментов? Раненых делят на группы: на тех, у кого больше возможностей выжить, и тех, кого спасти иногда невозможно. Надо смотреть на положение рационально. Однако это не означает враждебного отношения к той или другой группе. Делается то, что реально с учетом возможностей и ресурсов⁴⁸.

Другой живущий в эмиграции историк, Кястутис Скрупскялис, профессор университетов Южной Каролины и Витаутаса Великого, утверждает:

Возможности спасти евреев у Временного правительства Литвы почти не было. В июне, в эту первую неделю войны, вопрос убийства евреев для них даже подниматься не мог. Идет война. Немцы расстреливают литовцев, поляков, русских, евреев. Большей частью это советские должностные лица. Хотя погибали от рук немцев и повстанцы. В свою очередь, кровавую бойню устраивали большевики – Правенишкес, Райняйский лес, Червень... Вокруг хаос. Они пытаются восстановить порядок. В тот период нет и причин говорить отдельно о евреях. Военные действия, кругом сотни погибших. В Каунасе в общей могиле хоронят повстанцев. Первая забота – стабилизировать положение, восстановить общий порядок. Тогда можно надеяться решить другие вопросы⁴⁹.

Министр финансов Временного правительства Литвы Йонас Матулёнис в разговоре с представителем евреев, бывшим офицером литовской армии Йокубасом Голдбергасом, так объяснил ситуацию в Литве:

По еврейскому вопросу литовцы к согласию не пришли. Существуют три точки зрения: в соответствии с крайними взглядами все евреи Литвы должны быть уничтожены; более умеренные требуют, чтобы были созданы концентрационные лагеря, где евреи кровью и потом должны расплатиться за свои преступления перед литовцами. Третья точка зрения? Я – практикующий католик. Я и другие подобные мне убеждены, что у человека жизнь отнимать нельзя. Только Бог может это сделать. Я никогда ни к кому не относился враждебно, однако при советской власти я и мои друзья убедились, что общего

⁴⁷ *Rezistencijos pradžia: 1941-ųjų Birželis: dokumentai apie šešių savaitių laikinąją Lietuvos vyriausybę*. Vilnius, 2012, p. 26–27.

⁴⁸ LCVA, R-496, ap. 1, b. 5, p. 4.

⁴⁹ Vidmantas Valiušaitis. *Kalbėjime patys, girdėjime kitus*, p. 267.

пути с евреями нет и никогда не будет. Мы считаем, что литовцы должны быть отделены от евреев, и чем раньше, тем лучше. По этой причине гетто необходимо. Там вы будете отдельно от нас и не сможете нам навредить. Это христианское поведение⁵⁰.

Прошло всего несколько недель, и Временное правительство увидело, что рейх с ним не считается. Хотя правительство очень старалось доказать свою лояльность, немцы его игнорировали. Даже благодарственная телеграмма Гитлеру осталась без ответа. Временное правительство все равно отчаянно старалось – а вдруг? За четыре дня, оставшиеся до окончания его деятельности, до отставки, правительство опубликовало “Постановления о евреях”.

Вот несколько выдержек:

Личности еврейской национальности [...] селятся в отдельных отведенных для этой цели местах и носят на левой стороне груди круг желтого цвета размером 8 см, в середине которого должна быть буква J.

Евреям запрещено иметь:

- а) радиоприемники;
- б) типографии, пишущие машинки;
- в) автомобили, мотоциклы, велосипеды;
- г) пианино, рояли и фисгармонии;
- д) фотоаппараты⁵¹.

Говорят, что эти постановления мягче по сравнению с ранее опубликованными немецкими предписаниями, в них, к примеру, евреям не запрещается гулять в парках. Позже, оказавшись в эмиграции, министры Временного правительства Литвы все как один утверждали, что этот документ – подделка. Однако подпись Ю. Амбразявичюса на нем стоит. Нет, говорит сам Амбразявичюс.

В июле 1941 года, когда Литвой управляли немцы, шла чисто литовская борьба за власть – вольдемаровцы (литовские националисты, сторонники Вольдемараса⁵²) подготовили путч, направленный против Временного правительства. Премьер-министр Юозас Амбразявичюс оставил интересное свидетельство, рассказывающее о борьбе националистов за власть. Много лет спустя одинокий и хворый Амбразявичюс (тогда уже Бразайтис), живший в США, написал:

Писать воспоминания? Уже слишком поздно. Да и не хочу. [...] Зачем оставлять документы, говорящие о том, что мы были взрослыми людьми, а государственной зрелости не проявили. Ведь вся эта деятельность со времен Каунаса и Вюрцбурга была не борьбой за свободу Литвы (хотя мы этим и прикрывались), а борьбой за власть, которую мы получим в Литве. Сколько непонимания, сколько бесполезных стычек, подозрительности, стремления опорочить других. Мы, наверное, слишком мало прожили независимой жизнью и не научились государственной мудрости! Пишу это не под минутным впечатлением, но прочитав эти документы. Зачем оставлять следующим поколениям свидетельства тогдашней ничтожности?⁵³

⁵⁰ Ibid., p. 293–294.

⁵¹ 1941 metų sukilimo baltosios dėmės. Pokalbis su Sauliumi Sužiedėliu. Iš: Šoa (Holokaustas) Lietuvoje, p. 169.

⁵² Аугустинас Вольдемарас (1883–1942) – литовский политический деятель. В 1918 г. – глава правительства Литвы. В 1926 г. – организатор государственного переворота, до 1929 г. – премьер-министр и министр иностранных дел. (Прим. пер.)

⁵³ Vidmantas Valiušaitis. Kalbėjime patys, girdėjime kitus. Vilnius, 2013, p. 204.

Комментарий историка Альфонсаса Эйдинтаса: “Короче говоря, немцы обманули молодых литовских политиков, воспользовались восстанием и возрожденными институциями для осуществления своих целей. За неверную ориентацию пришлось дорого заплатить”⁵⁴.

Увековечение памяти Юозаса Амбразявичюса-Бразайтиса

Именем Юозаса Бразайтиса названы одна из улиц Каунаса и аудитория в университете Витаутаса Великого. Прах Юозаса Бразайтиса перезахоронен в Литве, рядом с костелом Воскресения Христова в Каунасе, со всеми почестями, при участии литовских воинов и президента Валдаса Адамкуса. На перезахоронение останков правительство Литвы выделило 30 тысяч литов.

Увековечение памяти Казиса Шкирпы

Улица в Вильнюсе, у подножия горы Гедиминаса, и улица в Каунасе, в микрорайоне Эйгуляй, названы именем К. Шкирпы. В центре Каунаса, на доме 25 по улице Гедимино, в его честь открыта мемориальная доска с надписью: “В этом здании в 1925–1926 годах работал добровольный создатель армии Литвы, участник борьбы за независимость, член Учредительного сейма, начальник штаба, дипломат, создатель и руководитель Литовского фронта активистов, премьер-министр Временного правительства Литвы, кавалер ордена Креста Витиса, полковник генерального штаба Казис Шкирпа (1895–1979)”.

Центр исследования геноцида и сопротивления жителей Литвы подготовил справку о Казисе Шкирпе:

Казиса Шкирпу и организацию, которой он руководил, можно упрекнуть в том, что в деятельности берлинского ЛФА антисемитизм был поднят на политико-программный уровень, в том, что антисемитская пропаганда, которую вели участники антисоветского сопротивления среди населения Литвы, создала одну из предпосылок Холокоста. С другой стороны, надо заметить, что берлинская организация ЛФА предлагала “еврейский вопрос” решать, прибегая не к геноциду, а к изгнанию из Литвы.

Советники

Пятого августа 1941 года нацисты установили в Литве гражданскую власть, ответственным за это был присланный рейхом генеральный комиссар Теодор Адриан фон Рентельн. Временному правительству было предложено переименоваться в совет, три входивших в него министра согласились и стали немецкими подданными – генеральными советниками. Шесть из девяти советников были членами Партии националистов.

Временное правительство ушло в отставку, потому что хотело сохранить верность попранному рейхом стремлению к независимости. И все же историки в обстоятельствах отставки правительства видят одну довольно бесславную вещь: “Прекращая свою деятельность, Временное правительство ни публично, ни каким-либо специальным циркуляром не приказало начальникам полиции, военным комендантам, командирам и солдатам литовских батальонов, работникам созданной администрации покинуть свои места. Нацисты воспользовались этими структурами”⁵⁵. В Литве в этих структурах работало свыше двадцати тысяч человек.

⁵⁴ Alfonsas Eidintas. *Žydai, holokaustas ir dabartinė Lietuva*. Iš: *Lietuvos žydų žudynių byla: dokumentų ir straipsnių rinkinys*, p.118.

⁵⁵ Ibid., p. 125.

Первым генеральным советником стал Пятрас Кубилиюнас. Когда власть сменилась, в нижних звеньях все осталось по-старому. Начальники округов, бургомистры, сельские старосты, начальники полицейских участков, вспомогательная полиция и суды работали по-прежнему. В Литве было около шести тысяч полицейских. Все сохранили свой оклад. Муж моей тети, подполковник Антанас Стапулёнис, до середины августа продолжал работать начальником охранной полиции Паневежиса, позже перешел в структуры самоуправления, где работал до 1944 года. Когда ввели непосредственное управление, немецкий язык был объявлен служебным, литовский – допустимым.

Историк Арунас Бубнис писал: “Местное самоуправление узаконено нацистскими приказами. Суть приказов такова: немецкая администрация будет осуществлять надзор и контроль, а практическое руководство работой по немецкой инструкции возьмет на себя местная администрация”⁵⁶. Местное самоуправление по приказу нацистов должно обеспечивать транспортом организаторов истребления, вводить ограничения для евреев, назначать жителей, которые будут копать ямы для расстрелов, а после казней их закапывать, подготавливать имущество евреев для аукционов или сбывать его другим способом.

Генеральный секретарь Партии националистов Зенонас Блинас всю свою и коллег – советников-националистов – работу с немцами в период гражданской власти, продолжавшийся до самого окончания войны, описывал в дневнике. Вот несколько записей из дневника патриота:

Дневник патриота

13. VIII.41

Прибыл один человек из Йонишкиса. Деревенским, мол, трудно привыкнуть к истреблению евреев, там, в деревне, этот еврейский террор не так уж свирепствовал, и на деревню это производит гнетущее и тяжелое впечатление. Говорит, лучше их гнать на работу, а коммунистов расстреливать. Плохо, что слишком много расстреливаем и стреляют литовцы. Особенно если правда, что немцы эти расстрелы снимают на пленку⁵⁷.

14. VIII.41

Разговаривал с начальником Рокишкского округа. Сегодня утром в Рокишкисе должны быть расстреляны 9 тысяч евреев. Выкопали яму глубиной три метра, пригоняют 100 евреев, укладывают в ров, говорят, что кто встанет, того пристрелят, несколько человек с ручными пулеметами прошивают ряд со спины, потом насыпают 20–30 см песка и укладывают другой ряд. За один раз пригнали 100 евреев. Велели вывести их из города. Те ушли с узелками. Через пару километров велели положить узелки и снять верхнюю одежду. Евреи поняли, что их ждет. Была трагическая сцена. Подействовала на людей, на стрелявших. Еще, мол, 2 тысячи человек (старики, женщины, дети) оставлены для “второй партии”. Из гуманных соображений, чтобы не надо было заботиться о детях... теперь убирают самых здоровых, молодых мужчин⁵⁸.

20. VIII.41

⁵⁶ Arūnas Bubnys. *Vokiečių okupuota Lietuva (1941–1944)*. Vilnius, 1998, p. 164.

⁵⁷ LYA, f.3377, ap.55, p.103–104.

⁵⁸ Ibid., p. 105.

Сейчас ситуация такая, что мы не можем требовать немедленно дать нам независимое государство. Надо смотреть реалистически. [...] Немцы ничего конкретного нам не обещают, но, если мы будем уверены в себе и едины, то можем помочь и людьми, и, наверное, отборные батальоны должны это сделать. В обмен на лояльную помощь мы надеемся на полное осуществление всех наших чаяний – свое независимое государство⁵⁹.

24. VIII.41

Брунюс вчера рассказывал про бойню в Рокишкисе. Это было проделано публично. Люди должны были прыгать в яму глубиной три метра, перед тем наполовину раздевшись. В них стреляли, расхаживая вокруг ямы. Мозги и кровь брызгали. Стрелявшие были все в крови. Привели из города с узелками. У ямы велели их положить и наполовину раздеться. Женщины кричали, голосили. Собрались люди из окрестностей. Поначалу смеялись, улыбались, потом ужаснулись, арийки тоже начали кричать. Бойня. Мерзость. Иуда этот начальник округа. Я говорил, что, если уж немцы это делают нашими руками, так надо все проделывать спокойно, без огласки, без скандала. А вместо того этот выродок все сделал наоборот. Запомню я его. Мерзавец⁶⁰.

30. VIII.41

На днях в “Свободе”⁶¹ поместили интересное стихотворение Бразджениса⁶² “Зову я народ”.

Заклинаю землями ваших бед,
Голосами курганов, лесов, полей –
Не мстите, чтоб этот кровавый след
Не стал проклятьем ваших детей⁶³.

Наверное, про еврейство⁶⁴.

Наша задача – продержаться. Просить-политиканствовать-говорить – тянуть время. Повторится ситуация 1918 года или нечто похожее, немцы дадут нам государство и “вооружат до зубов”. Ждать, пока немцы поймут. Поймут. Не сейчас, может быть, в следующем году⁶⁵.

18. IX.41

1, 2, 3-й батальоны несут службу. Все ходят в своей одежде. Матрасов нет. Лежат на полу. Ничего не дают. Настроение у солдат-добровольцев плохое. Евреи...⁶⁶

30. X.41

⁵⁹ Ibid., p. 116–117.

⁶⁰ Ibid., p. 121.

⁶¹ “*Į laisvę*” (“К свободе”) – ежедневная газета, выходившая в Каунасе с 24 июня 1941 года по 31 декабря 1942 года в Каунасе, издание Литовского фронта активистов. (Прим. пер.)

⁶² Бернардас Браздженис (Bernardas Brazdžionis, 1907–2002) – литовский поэт и критик. (Прим. пер.)

⁶³ Перевод В. Лавкиной.

⁶⁴ LYA, f.3377, ap.55, p. 136–137.

⁶⁵ Ibid., p. 136.

⁶⁶ Ibid., p. 156.

Сегодня солдаты батальона расхаживают по городу совершенно пьяные, говорят, что они (сами говорят) поедут в Ригу. Вот поживем там. А только будет ли к пятнице здесь покончено с евреями? Может, литовцы и там займются этим славным ремеслом бойцов-убийц?⁶⁷

11. X.41

Ужин с немцами. Я: “Поднимаю бокал за Адольфа Гитлера, за славную немецкую армию, за немецкий народ и... после короткой паузы... за Литву”.

Сегодня Вокетайтис сказал, что мой тост был наглой издевкой над немцами, измывательством. Нельзя, мол, открывать свою душу, нечего высываться. Ропис говорит: слова – это “курвы”⁶⁸.

2. XI.41

В Вильнюсе, говорят, осталось всего около 10 тысяч евреев. Литовцы гонят евреев из гетто колоннами по 5–6 тысяч, бьют и толкают даже на улице Гедимино⁶⁹.

6. XI.41

Барзда вернулся из района Минска – Борисова – Слуцка. Литовский батальон расстрелял больше 46 тысяч евреев (белорусских и доставленных из Польши). Сотни немцев фотографировали. Солдаты завшивлены, 30 процентов больны чесоткой. Плохо одеты, мерзнут. Одежды нет. Башмаки без подметок.

Слышал, что Вильнюсский батальон отправляется в Люблин. Почетный долг выполнять, по словам виленских. Ну и молодцы же эти господа немцы. Украинцы, латыши, эстонцы – не стреляют. Мы одни должны расстреливать⁷⁰.

29. XI.41

Мерзко, что наш офицерский корпус так низко пал, чтобы делать то, чего немецкий офицер никогда бы не сделал. Евреев, которых теперь расстреливает первый батальон, везут из Чехии. У них есть бразильские и аргентинские визы. Им говорят, что их везут “в карантин”. Все легально, а по дороге они исчезают. Первый батальон их убирает⁷¹.

13. XII.41

Для меня важно не спасение одного или нескольких евреев. Я не могу стерпеть того факта, что Литву превращают в мертвецкую и в кладбище, что заставляют расстреливать евреев, прибывших из Германии с визами, что расстреливаем мы, литовцы, что мы становимся всего-навсего палачами на жалованье, что нас снимают на пленку, а себя немцы не снимают. Этой мерзости я стерпеть не могу⁷².

⁶⁷ Ibid., p. 171.

⁶⁸ Ibid., p. 178.

⁶⁹ Ibid., p.218.

⁷⁰ Ibid., p.195–196.

⁷¹ Ibid., p. 205–206.

⁷² Ibid., p. 226.

Командир был у Рентельна. [...] Командир сказал, что партия работала, сколько могла. Потом поговорили насчет средств. Рентельн пообещал заплатить, приказал Кубилюнасу уладить это дело. Попросил 90 тысяч рейхсмарок. Объяснил, что это до 1.1.42 и за прошедшее время на всю Литву. Кажется, Кубилюнас очень спешит с оплатой. Завтра, похоже, получим деньги.

19. XII.1941

Получили 50 тысяч рейхсмарок для выплаты жалованья, до 1.1.42 и за прошлый период. Сегодня получил жалованье за декабрь – 237,57 рейхсмарок⁷³.

12. I.1942

Какой-то пьяница-офицер сердится, что чехи не хотят себе ямы копать, не лезут сами в ямы, а стоят (когда их расстреливают), сцепившись руками, и поют чешский гимн. Вечное проклятие тем офицерам⁷⁴.

Зенонас Блинас, как истинный литовский патриот, не ушел с другими националистами и встретил свою судьбу в СССР. Когда его арестовали, на допросах он держался стойко, ни в чем не каялся и ни от чего не отказывался. 17 октября 1946 года Архангельский военный трибунал приговорил его к расстрелу. Когда Блинасу объявили приговор, он сказал, что очень жалеет о том, как немного ему удалось сделать в борьбе с Советским Союзом за свободу и независимость Литвы.

6 декабря 1946 года приговор был приведен в исполнение.

⁷³ Ibid., p. 226.

⁷⁴ Ibid., p. 228.

IV. Свои. Расстрельщики евреев

Национальный трудовой охранный батальон

*Жид по лесенке ползет.
Не долезет – упадет!
Тут бы палку ухватить
И жида поколотить!*⁷⁵.

Детская считалка

Июньское восстание началось в Каунасе. Над крышей костела Воскресения Христова подняли флаг Литвы – это был символический акт, и совершил его участник восстания лейтенант Бронюс Норкус, вскоре ставший одним из командиров Национального трудового охранного батальона.

Несколько штрихов к портрету Бронюса Норкуса. Рассказывает Казис Бобялис:

Дня, наверное, через три после того, как началось восстание, мы, молодежь, играли в футбол на углу улиц Кауко и Агуону. Вдруг видим – от улицы Прусу, шатаясь, подходит человек. В синей форме литовской военной авиации. Без пуговиц, без погон. Волосы растрепанные, глаза красные. В одной руке поллитровка, в другой – револьвер. Мы испугались. Он подошел к нам. “Ребята, где жида?” Йезус, Мария! Не видели. Нету. Не живут здесь такие. Начал он на нас орать. Три раза выстрелил в воздух из своего револьвера. И пошел себе. Потом выяснилось, что это был лейтенант Норкус, офицер литовской авиации. Когда пришли большевики, его посадили в тюрьму. После бомбежки Каунаса он из тюрьмы вышел. Первым делом рванул на Жалякальнис⁷⁶ к жене и детям. Соседи сказали, что в субботу (21 июня) его семью увезли. Подробностей не знаю, но тогда он начал пить шнапс и стрелять. Сказал, всякого жида на месте пристрелю. Стал командиром батальона. Получил коня. Пьяный с него свалился, конь ударил его по голове копытом и зашиб насмерть⁷⁷.

Бронюс Норкус был назначен командиром роты и начал служить в Каунасском Национальном трудовом охранном батальоне. После 28 июня ему уже не надо было спрашивать: “Ребята, где жида?” Евреев ему приводили прямоиком к ямам. В Каунасском VII форте 4 июля у рвов были расстреляны 416 мужчин и 47 женщин (рапорт К. Ягера). Расстреливал их Национальный трудовой охранный батальон, а командовали расстрелом лейтенант Бронюс Норкус и младший лейтенант Йонас Обелявичюс⁷⁸. 6 июля жертв расстреливали и из пулеметов. Выстрелами в спину убиты 2514 евреев. Расстрелом командовали лейтенанты Ю. Барзда, А. Дагис и Б. Норкус.

⁷⁵ Перевод В. Лавкиной.

⁷⁶ Один из районов Каунаса. В переводе с литовского – Зеленый холм. (Прим. пер.)

⁷⁷ Vidmantas Valiušaitis. *Kalbėkime patys, girdėkime kitus*, p. 290–291.

⁷⁸ Arūnas Bubnys. *Lietuvių policijos 1 (13) savisaugos batalionas ir žydų žudynės 1941 m.* Iš: *Genocidas ir rezistencija*, 2006, Nr. 2 (20), p. 35.

Действия 3-й роты Национального трудового охранного батальона в VII форте “видимо, немцам и нашим командирам очень понравились, и потому позже их везде отправляли”⁷⁹. В роте служили около двухсот литовских военных. В октябре 3-я рота батальона (который в августе был переименован в батальон вспомогательной полиции, РРТ – *Pagalbinės policijos batalionas*) всего дважды, но ударно поработала в IX форте. Туда они сами пригнали из гетто около 10 тысяч евреев, позже из Чехословакии в Каунас прислали еще 2 тысячи евреев “делать прививки” перед дорогой – предполагалось, что они отправляются в Южную Америку. Руководители те же самые: Б. Норкус, Ю. Барзда и А. Дагис. По сведениям из рапорта К. Ягера, из 10 тысяч расстрелянных в IX форте евреев из гетто почти половина – дети, их было 4273. Самые крупные расправы над евреями в литовской провинции совершались в августе и сентябре 1941 года. В двадцати шести батальонах Литвы служили тогда уже около 12–13 тысяч солдат. После того как в августе Национальный трудовой охранный батальон был реорганизован, в Каунасе были сформированы 1-й и 2-й батальоны вспомогательной полицейской службы – РРТ-1 и РРТ-2.

Первый батальон уничтожил 36 тысяч человек.

Второй был откомандирован в Белоруссию, и там, в пятнадцати разных местностях Белоруссии, были убиты 15 452 еврея⁸⁰.

Зубной техник и Компания

*Я был любителем расстреливать людей*⁸¹.

Пранас Матюкас

Когда Пранаса Матюкаса в 1962 году судили в советской Литве, на вопрос, почему он стрелял в евреев, он ответил: “Потому что в 1941 году в Правенишкесе (советском концентрационном лагере в Литве) меня вытащили из-под горы трупов. Среди стрелявших в нас большинство были евреи”⁸².

В период независимости Литвы Пранас Матюкас работал в типографии и одновременно учился на зубного техника. Когда Красная армия отступала, он пригрозил красноармейцу, которого встретил в Каунасе, карманным ножиком, и тот отдал ему свое ружье. Тогда Матюкас и пошел записываться в Национальный трудовой охранный батальон. Одному его сыну в то время было пять лет, другому – год⁸³.

В деле Пранаса Матюкаса 12 томов. Из протокола допроса 3 декабря 1961 года:

Это было летом 1941 года. Точной даты не помню, должно быть, в июле. После обеда наша третья рота батальона, которая в то время еще дислоцировалась на Лайсвес аллее неподалеку от так называемого собора, под командованием офицеров Барзды, Норкуса, Скаржинскаса и Дагиса, пешком отправилась в седьмой Каунасский форт, на Жалякальнис. Форт охраняли бойцы из других рот.

⁷⁹ Протоколы допроса П. Матюкаса. Р. Matiuko apklausos protokolai, K-1, ap. 58, b. 47337/3, t. 1, p. 139.

⁸⁰ Alfredas Rukšėnas. *Kauno savisaugos batalionų karių dalyvavimo žydų ir kitų asmenų grupių žudynėse vokiečių okupacijos laikotarpiu (1941–1944 m.) motyvai*. Iš: *Genocidas ir rezistencija*, 2011, Nr. 2 (30), p. 30.

⁸¹ K-1, ap. 58, b. 47337/3, t. 1, p. 141.

⁸² Aleksandras Štomas. *Holokaustas: žydų ir nežydų patirtis*. Iš: *Šoa (Holokaustas) Lietuvoje*, p. 188.

⁸³ K-1, ap. 58, b. 47337/3, t. 1, p. 208.

Посреди форта, в яме, расположенной между склонами, держали под охраной примерно 300–400 человек, лиц еврейской национальности. Они там были под открытым небом.

Женщин еврейской национальности, их было примерно человек 100–150, держали в самом седьмом форте, в укрепленных подвалах.

Расстрел происходил следующим порядком. Группа солдат батальона, около 10 человек, под командованием унтер-офицеров и офицеров, брала примерно по 10 человек из той ямы, где держали и стерегли обреченных на смерть мужчин еврейской национальности. Их уводили метров за 50 или 100 от этого места, туда, где была большая воронка от взрыва. Ставили на край этой воронки лицом к ней и с нескольких шагов стреляли. Трупы падали в яму. Солдаты стреляли из ружей, а офицеры – Дагис, Норкус, Барзда – из пистолетов.

Под вечер расстрелы прекратились. На следующий день, едва рассвело, мы опять пошли в форт и окружили ту яму, где держали заключенных. На склонах были установлены два или три легких пулемета типа “Бруно”. Барзда и Норкус сказали, что надо расстреливать смертников там же, на месте, стрелять сверху со склонов в яму. По команде начался расстрел. Расстреливаемые стали метаться по яме, но убежать никуда не могли, везде их встречали пули.

Беспорядочная стрельба продолжалась часа полтора. Дно ямы было завалено телами убитых и залито кровью. Могу сказать, что стреляла почти вся наша третья рота, за исключением нескольких лиц, которые по тем или другим причинам остались в казармах. Я тоже стрелял. Сколько людей застрелил – сказать не могу, потому что установить это было невозможно.

Сама яма была размером примерно 50 на 50, склоны ямы высотой были примерно 10–15 метров.

По свидетельствам других солдат батальона, и в VII, и в IX форте людей укладывали в ямы ничком и только тогда расстреливали. После того как расстреляют одну партию, на трупы укладывались другие.

По этому делу был допрошен свидетель Юргис Восилиус, он утверждал:

Поскольку недалеко от этого форта было много жилых домов, посмотреть на расстрел собралось много местных жителей. Мне как охраннику пришлось их отгонять и не подпускать близко, поэтому картину самого расстрела я как следует не разглядел⁸⁴.

Вот как, по словам Пранаса Матюкаса, расстреливали евреев из Каунасского гетто. Операцией руководили те же самые офицеры – Дагис, Барзда, Норкус.

IX форт. Матюкас, допрос 15 января 1962 года:

Нам было сказано, чтобы с вечера не напивались, потому что в шесть или восемь часов утра всем надо быть в казармах и выдвигаться на операцию. Упомянутый приказ нам передали Барзда и Дагис.

На другой день, в восемь часов утра, рота построилась, и мы все пошли к гетто. В этой операции участвовал весь наш батальон.

Из гетто другие солдаты отдали нам около 400 евреев, мужчин, женщин и детей, потом мы, 8–10 солдат, взяли под стражу этих евреев и погнали их в девятый форт, который был примерно в двух километрах от города. Пригнали евреев в форт, где была большая яма. Там их передали охранять

⁸⁴ Ibid., p. 40.

другим солдатам, а сами опять вернулись в гетто, забрать очередную группу людей. Пригнав в форт вторую группу смертников, я больше в гетто не пошел, а остался в форте.

За фортом в противоположной от Жемайтского шоссе стороне были вырыты три длинные траншеи, длиной, наверное, около ста метров, два метра в ширину и столько же в глубину.

Подойдя к выкопанным рвам, я увидел солдат из нашей третьей роты, их было около 30 человек. Из офицеров с ними были Барзда, Норкус, Дагис. Кроме того, была группа немецких солдат и офицеров.

Одновременно смертников расстреливали около 30 человек из нашей роты и около 10 немецких солдат, которые стреляли из автоматов, а офицеры – еще и из пистолетов. Я тогда стрелял из своего ружья и сделал около 60–70 выстрелов. Стрелял примерно часа полтора. Сколько человек застрелил лично, сказать не могу, потому что мы стреляли все одновременно в общую массу людей, которые были в яме. Помню, что лично я принимал участие в расстреле двух групп по 400 человек. Стрелял, понятно, с перерывом.

Вообще сказать, кто как около ям стоял и стрелял, не могу, потому что там никакого порядка не было: одни, отстрелявшись, уходили, другие приходили.

Среди смертников я узнал Гравецаса, Ривериса⁸⁵.

Я брал только золотые зубы. В IX форте давали водку, но очень мало. Когда мы приходили брать патроны, Норкус и Барзда давали глотнуть водки из бутылки. [...] В тот день, как говорили среди охранников, было расстреляно примерно 8–10 тысяч человек. После расстрела солдаты выбирали себе из кучи одежды расстрелянных вещи получше. Я никаких вещей расстрелянных не брал, во время расстрела пару раз взял у людей, которых гнали к ямам, часы, которые они сами мне отдавали⁸⁶.

Евреев укладывали ничком, как и в VII форте, и тогда расстреливали. Когда рота закончила расстреливать взрослых евреев, немцы из автоматов расстреляли детей. Спасся только один мальчик одиннадцати лет.

Когда мы второй раз расстреливали в IX форте, это был расстрел чехословаков. Нас пригнали в IX форт, сказали, надо будет расстрелять примерно 2 тысячи человек. Смертников гнали с засученными рукавами, чехи сказали, их ведут прививать от оспы. В ямах чехи пытались бежать, но куда побежишь, когда окружены⁸⁷.

В массовых убийствах людей я участвовал потому, что этим занимался наш батальон, третья рота, в которой я служил. Я выполнял приказы⁸⁸.

Из речи Пранаса Матюкаса на суде в 1962 году:

Если по совести, то я виновен. Но как солдат – нет. Я просто выполнял приказ. Я не знал своей цели⁸⁹.

Содержащиеся в деле показания подсудимого Алексаса Райжиса:

⁸⁵ Ibid., т. 12, р. 142.

⁸⁶ Ibid., р. 142.

⁸⁷ Ibid., с. 145

⁸⁸ Ibid., р. 254.

⁸⁹ Ibid., р. 145.

После расстрела я видел у Матюкаса зубы. Матюкас сам показал на ладони золотые зубы. Я спросил, на что Матюкасу нужны зубы, так военные сказали, что он зубной техник, а жена его – зубной врач. У Матюкаса я видел вымытые, очищенные золотые зубы, кажется, 4 зуба⁹⁰.

После войны Пранаса Матюкаса судили, но в тюрьме он сидел недолго. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года “Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.” лица, осужденные на десять лет лишения свободы, были освобождены, осужденным на двадцать пять лет срок наказания сократили вдвое. Пранас Матюкас вышел из заключения, поселился с семьей в Паневежисе, работал по специальности – зубным техником в поликлинике Йонишкелиса⁹¹. Активно участвовал в работе драмкружка.

Шесть лет спустя, когда выяснились новые обстоятельства, он был арестован повторно. Запросили характеристику с места работы. Главный врач поликлиники о Матюкасе отозвался так:

Трудолюбивый, энергичный, активный участник самодеятельности, во многом содействовал оживлению художественной самодеятельности, занимался в драмкружке⁹².

Пранас Матюкас и еще семеро убийц из третьей роты Национального трудового охранного батальона были приговорены к расстрелу. 9 ноября 1962 года в Вильнюсе приговор был приведен в исполнение. Карьера зубного техника закончилась.

“Пранас Матюкас участвовал в расстреле около 18 тысяч человек”.
(Судебное определение)⁹³.

Историк Альфредас Рукшенас рассмотрел мотивы, которыми руководствовались убийцы из Каунасского батальона самообороны. Он разделил людей, вступавших в батальон, на четыре категории⁹⁴:

Патриоты – те, кто вступал в батальоны самообороны, желая защищать родину от врага и веря, что батальоны – начало будущей армии независимой Литвы.

Безработные – бывшие офицеры литовской армии и другие не имеющие работы лица, которые вступали в батальоны, потому что там платили вознаграждение.

Обиженные – затаившие обиду офицеры литовской армии, которых в советское время уволили в запас, и те, кого допрашивали советские органы безопасности; они хотели расквитаться с обидчиками.

Незащищенные – те, кто служил советскому режиму, они вступали в батальоны, желая избежать наказания. Были и такие, которые боялись, что их увезут на работы в Германию.

Четвертого июля в Каунасском VII форте загнанные в яму евреи были расстреляны все одновременно. Это заняло полтора часа – стреляли до тех пор, пока все в яме не перестали шевелиться. Скорее всего, многие люди в яме не были убиты сразу, а только ранены, они

⁹⁰ Ibid., p. 150.

⁹¹ Маленький город в Паневежском уезде, в то время его население составляло примерно 2500 чел. (Прим. пер.)

⁹² Ibid., p. 140.

⁹³ Ibid., p. 264.

⁹⁴ Alfredas Rukšėnas. *Lietuvos gyventojų stojimo į Kauno savisaugos batalionus 1941 m. vasarą ir rudenį motyvai*. Iš: *Genocidas ir rezistencija*, 2012, Nr. 2 (32), p. 7–26.

умерли позже, несколько минут или часов спустя. У них было достаточно времени поразмыслить над тем, кто же эти люди в военной форме, которые стоят на насыпи, стреляют, пьют и вскоре их прикончат – может, патриоты, может, безработные, а может быть – обиженные? Или, может быть, незащищенные, которым эта работа давала человеческое чувство защищенности?

Вот как несколько бойцов 3-й роты сами говорили на суде о своих мотивах.

Алексас Райжис:

Сам не знаю, почему я вступил в батальон. Не могу объяснить свои действия. Может, я вступил в батальон от бедности, сам не знаю. Почему в людей стрелял, тоже не знаю⁹⁵.

Юозас Копустас:

Цель моего вступления в батальон была что-нибудь себе наgrabить. Вознаграждения мы не получали. Вознаграждением за работу нам была одежда смертников. Быть в батальоне мне было выгодно. После первого расстрела не додумался, что делаю что-то плохое⁹⁶.

Клеменсас Скабицкас:

В батальон вступил из-за слабого здоровья, там работа была нетяжелая. [...] Тех людей, которых расстреливал, я не знал, они мне ничего не сделали. Я верующий. Расстреливая людей, не знал, как будет. Потом ходил исповедоваться⁹⁷.

После первого совершенного 3-й ротой массового убийства несколько бойцов дезертировали. Один из них, капитан Бронюс Киркила, уйдя в отпуск, 12 июля 1941 года застрелился в своей квартире. Почему? Не выдержал напряжения? Или, как предполагают историки, решил мстить евреям до тех пор, пока не убьет “установленное для себя количество”? Выполнив это, Киркила и застрелился.

Если это правда, с “установленным количеством” Бронюс Киркила справился за очень короткое время, всего за несколько дней. Количество было огромное.

Летучие убийцы

Цель очистить Литву от евреев могла быть достигнута только благодаря тому, что из отборных мужчин был создан летучий отряд под командованием оберштурмфюрера Хаманна, который вполне понял мои цели и смог обеспечить сотрудничество с литовскими партизанами и соответствующими структурами.

К. Ягер, сообщение от 1 декабря 1941 года⁹⁸

До августа 1941 года, когда в Литве началось массовое уничтожение евреев, 90 процентов литовских евреев еще были живы.

В летучем отряде Хаманна служили 8–10 немцев и 30–40 литовцев. К операциям все подготавливали местная администрация, полиция и партизаны – изолировали евреев, пригоняли их к заранее выкопанным ямам.

⁹⁵ LYA, K-1, b. 47337/3, t. 12, p. 154.

⁹⁶ Ibid., p. 160.

⁹⁷ Ibid., p. 166.

⁹⁸ Arūnas Bubnys. *Vokiečių okupuota Lietuva (1941–1944)*, p. 203.

[...] До 15 октября 1941 года были убиты 70 105 евреев. Около 50 тысяч евреев оставлены для ремонтных работ и выполнения военных заказов. Срок окончательного уничтожения евреев был перенесен на более позднее время⁹⁹.

Третья рота Национального трудового охранного батальона и стала основой команды Хаманна. Несколько немцев-гестаповцев и несколько десятков офицеров и солдат 3-й роты вызывали для проведения конкретной акции в литовской провинции. “Сам Хаманн часто даже не выезжал на расправы в провинцию, он только давал задания офицерам 1-го батальона (лейтенантам А. Дагису, Ю. Барзде, Б. Норкусу)”¹⁰⁰.

Немцы чаще всего оставались в Каунасе заниматься другими делами, и на расстрелы в провинцию обычно ездили только 2–3 немца. Они выезжали на легковой машине, а немецкие каратели ехали на одном или двух грузовиках, иногда – автобусом “Летукиса”. Группе Хаманна в провинции нередко помогали местные полицейские и активисты¹⁰¹.

В августе к истреблению евреев подключились все округа Литвы.

Секретный циркуляр начальника полицейского департамента Витаутаса Рейвитиса за № 3 от 16 августа 1941 года, разосланный всем начальникам полиции округов, гласил:

По получении этого циркуляра немедленно задержать в указанных в примечании местах всех мужчин еврейской национальности в возрасте от 15 лет и тех женщин, которые известны своей большевистской деятельностью во время большевистской оккупации, или еще и теперь известны подобной деятельностью, или отличаются дерзостью. Задержанных лиц собрать у магистральных путей сообщения и немедленно специальными средствами связи сообщить об этом департаменту полиции. В сообщении точно указать, в каком месте и сколько имеется задержанных и собранных вместе евреев такого рода.

Надо позаботиться о том, чтобы задержанные были обеспечены едой и надлежащей охраной, для которой можно использовать вспомогательную полицию.

Данный циркуляр должен быть исполнен за двое суток с момента его получения. Задержанных евреев охранять до тех пор, пока появится возможность забрать их и увезти в лагерь¹⁰².

Начальник департамента полиции Витаутас Рейвитис – авиатор, профессиональный стрелок по мишеням, спортсмен, познакомивший Литву с борьбой джиу-джитсу (издал книгу об этом виде спорта). Джиу-джитсу в переводе с японского – “искусство мягкости”, один из видов самурайской борьбы.

Окружные начальники полиции без промедления отчитались В. Рейвитису.

Начальник полицейского участка Вилкии пишет 18 августа: “Из Вилкии вывезено 280 мужчин, 120 женщин”¹⁰³.

⁹⁹ Ibid., p. 203.

¹⁰⁰ Arūnas Bubnys. *Lietuvių policijos 1 (13) – asis batalionas ir žydu žudynės 1941 m. Iš: Holokaustas Lietuvoje 1941–1944 m.* Vilnius: LGGRTC, p. 392.

¹⁰¹ Alfonsas Eidintas. *Žydai, lietuviai ir holokaustas.* Vilnius, 2002, p. 262.

¹⁰² LCVA, f. R-683, ap. 2, b. 2, 1.1.

¹⁰³ Arūnas Bubnys. *Žydu žudynės Kauno apskrityje 1941 m. Iš: Holokaustas Lietuvoje 1941–1944 m.,* p. 184.

Начальник Кедайняйского полицейского участка (17 августа): “913 евреев из города Кедайняй и волости сосредоточены в сарае и амбаре училища агрономелиорации. Мужчины отдельно от женщин. Их держат под охраной до отдельного указания”¹⁰⁴.

Начальник Шакаяйского полицейского участка: “Сообщаю, что с этого дня в доверенном мне округе евреев нет. Их убрали местные партизаны и вспомогательная полиция”¹⁰⁵.

Статистика отряда Хаманна неизвестна. Неизвестно также, сколько людей в литовской провинции убил отряд Хаманна, а сколько – их пособники, местные белоповязочники. “Холокост в литовской провинции остается неизвестным и неисследованным вопросом нашей историографии”, – говорит историк Арунас Бубнис¹⁰⁶.

У нас нет средств на исследования? Нет историков? Нет желания, и мы ждем, пока вымрут все свидетели убийств? Ждать осталось недолго.

Особые мужчины

Особый отряд (*Ypatingasis būrys*), созданный в июле 1941 года, непосредственно подчинялся гестапо. Командиры и рядовые – литовцы, было несколько русских и поляков. В первое время, когда главная квартира отряда была на улице Швянтарагё, в нынешнем здании Министерства внутренних дел, желающие вступить в отряд приходили и писали заявление – никаких обязательств подписывать было не надо. А когда отряд перебрался в дом 12 по улице Вильняус, стали требовать подписать обязательство не раскрывать секретов его деятельности. Поначалу в отряде служили около 100 мужчин, позже – во второй половине 1941 года и в последующие военные годы – примерно 30–40. Мужчины, согласно протоколам допросов, получали книжечки талонов на питание, с которыми можно было зайти поесть в любой ресторан или любую столовую Вильнюса, достаточно было оторвать талончик и отдать его официанту. Служившим в отряде платили заработную плату, давали продуктовый паек, в который входил изюм, а раз в неделю – водка.

¹⁰⁴ Arūnas Bubnys. *Lietuvos žydų mažieji getai ir laikinosios izoliavimo vietos*. Iš: *Holokaustas Lietuvoje 1941–1944 m.*, p. 150.

¹⁰⁵ Garažas: *aukos, budeliai, stebėtojai*. Vilnius, 2002, p. 401.

¹⁰⁶ Arūnas Bubnys. *Lietuvos mažieji getai ir laikinosios izoliavimo stovyklos*. Iš: *Holokaustas Lietuvoje 1941–1944 m.*, p. 136.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.